

сти. В самом начале социолингвистического исследования перед исследователем встает проблема выбора тех конкретных индивидов, на языковом поведении которых предполагается строить гипотезы и проверять их.

5.1. Отбор информантов

Проблему отбора информантов обычно рассматривают в связи с анкетированием, но она важна при любом социолингвистическом исследовании. Задачи, которыми занимается социолингвист, всегда привязаны к определенному социуму; вслед за социологами социолингвисты называют членов этого социума генеральной совокупностью. **Генеральная совокупность** (применительно к задачам социолингвистики) — это множество всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного социолингвистического анализа. В зависимости от поставленной задачи размеры этой совокупности могут сильно различаться. Если изучаются особенности коммуникативного поведения в малой группе, то детальное исследование всей генеральной совокупности не представляет серьезной проблемы, но в большинстве случаев социолингвист имеет дело с такими генеральными совокупностями, которые полностью обозримы лишь чисто теоретически.

Если мы собираемся изучать билингвизм в Татарстане, то генеральной совокупностью является всё население этой республики. Если объектом исследования выбрано варьирование редукции гласных у носителей русского литературного языка в зависимости от возраста, то в генеральную совокупность должны войти все носители русского литературного языка. Если предполагается исследовать речевые особенности русскоязычных хиппи, то в генеральную совокупность попадает всякий, кто относит себя к хиппи.

В подобных случаях, когда вся генеральная совокупность труднообозрима, исследователи прибегают к отбору некоторых типичных представителей генеральной совокупности, формируют выборочную совокупность, или выборку. Естественно, чем меньше выборка, тем меньше временных и материальных ресурсов требуется для ее обследования, но в отношении изучаемых явлений выборка должна быть репрезентативной для всей генеральной

совокупности: те, кто попадает в выборку, должны представлять собой миниатюрную модель всей генеральной совокупности.

Перед исследователем встает очень сложная задача: заранее установить, какие именно свойства членов генеральной совокупности могут отразиться на изучаемых аспектах языкового поведения. Например, при исследовании билингвизма заведомо важны следующие параметры индивида: этническая принадлежность, район проживания (сельская местность, небольшой город, крупный город), возраст, пол, уровень образования. Это означает, что распределение носителей этих характеристик в выборке должно максимально приближаться к тому, как обстоит дело в генеральной совокупности. Поскольку каждый индивид обладает специфическим набором таких характеристик, в выборке должны быть соответствующим образом представлены именно эти наборы. Например, среди отобранных в выборку городских татар распределение по полу, возрасту и образованию должно соответствовать этим показателям среди всех городских татар генеральной совокупности. В том случае, если носители отдельных характеристик будут отбираться независимо, теоретически может появиться такая выборка, где квота по высшему образованию будет заполнена одними женщинами, квота по лицам старших возрастов — только горожанами и т. п. В результате по каждому параметру в отдельности выборка будет повторять генеральную совокупность, однако не будет репрезентативной. Если при выборке соблюдаются характерные для генеральной совокупности соотношения лиц с определенными наборами тех социальных параметров, что признаны значимыми для исследования, то такая выборка называется *квотной пропорциональной выборкой*, а соответствующие параметры — *связанными*.

Вторая из сформулированных выше гипотетических задач (варьирование редукции гласных) демонстрирует наличие одной очень серьезной проблемы, без решения которой невозможно произвести выборку. За внешней легкостью обозначения генеральной совокупности (“носители русского литературного языка”) может скрываться чрезвычайная трудность точного определения ее границ: необходимо сформулировать, каковы основания для включения или невключения индивида в число носителей литературного

языка, и лишь после этого приступать к формированию репрезентативной выборки.

С проблемой выборки сталкиваются не только социолингвисты, но и лингвисты “чистые”: например, при подборе информантов с целью описания ранее не исследованного языка, в диалектологической экспедиции, при подборе дикторов для инструментального фонетического анализа и т. п. Но для такого рода задач первый попавшийся или даже “среднестатистический” носитель языка не очень годится; подходящих информантов помогают найти квалификация, исследовательский и жизненный опыт специалиста. Одни носители языка могут оказаться более пригодными для продуцирования связных текстов, другие — обладающие идеальной дикцией — для изучения фонетики, третьи — для сбора словарных материалов и фразеологии. Каждый, кому приходилось заниматься полевым описанием языка, знает, как непросто найти хорошего информанта-“грамматиста”, который легко справляется с синтаксическими и морфологическими трансформациями, а подчас и включается в научный поиск. Немаловажными являются и легкость достижения контакта исследователя с информантом, его утомляемость и другие психологические особенности. В конце концов “чистый” лингвист может остановить свой выбор на двух-трех основных информантах, иногда прибегая к контрольным проверкам языковых фактов у других носителей языка. Подобный отбор социологи называют целевой выборкой. Для описательной лингвистики целевая выборка является ведущим и, бесспорно, очень продуктивным способом подбора информантов, но она имеет лишь вспомогательный характер для многих социолингвистических задач, а именно таких, которые направлены на выявление языковых характеристик некоторого социума в целом.

Безусловные преимущества этого типа выборки — простота и экономичность, недостаток — невысокая достоверность полученных социолингвистических данных. Увеличение размеров целевой выборки мало помогает: когда информанты отбираются с опорой лишь на исследовательское чутье, невозможно обосновать представительность полученных данных для всей генеральной совокупности. При этом чем многочисленнее и разнороднее генеральная совокупность, тем менее надежными становятся результаты.

Многие социолингвистические задачи не предполагают статистической обработки материала, для их решения целевая выборка оказывается оптимальной. Приведем такой пример. Собирая материал для словаря сленга хиппи, автор целевым образом отбирал интервьюируемых среди представителей различных “системных” группировок Москвы, Санкт-Петербурга, Таллина, Уфы. При обработке материала “слово считалось используемым носителями сленга, если хотя бы несколько опрошенных информантов, идентифицирующих себя как хиппи, знали и употребляли это слово (при этом подразумевалось, что опрошенные информанты не относятся к одной и той же компании, и, таким образом, рассматриваемое слово не является окказионализмом)” [Рожанский 1992: 5]. Для обоснования включения слова в словарь проводился опрос контрольных информантов, не относящих себя к хиппи.

Целевой выборке противостоят различные виды вероятностных выборок. Наиболее точной, но и наиболее трудоемкой является так называемая случайная выборка. Определение *случайный* следует в данном случае понимать не в обиходном его значении (“бессистемный”), а как теоретико-вероятностный термин: при случайном выборе любой элемент (и любой набор элементов) генеральной совокупности имеет равную вероятность попасть в выборочную совокупность. Чтобы идеально соблюсти требования простой случайной выборки, необходимо иметь полный список всех элементов генеральной совокупности и далее выбирать из него необходимое число элементов при помощи *таблиц случайных чисел*. На практике случайную выборку часто заменяют *систематической*, когда при необходимости выбрать i единиц из генеральной совокупности, содержащей n единиц, отбирают каждую n/i -ю единицу из общего списка.

Размеры выборки зависят от степени разнообразия единиц, образующих генеральную совокупность. Если все элементы абсолютно одинаковы, то и выборка может быть сколь угодно мала; напротив, чем выше неоднородность генеральной совокупности, тем больше должно быть выборочное отношение (численное соотношение выборки и генеральной совокупности). Иными словами, при неизменной генеральной совокупности увеличение выборки позволяет уменьшить количество возможных ошибок в соб-

ранном материале, при неизменных размерах генеральной и выборочной совокупностей количество ошибок зависит от структуры генеральной совокупности: чем она сложнее (т. е. чем большим числом разнородных признаков — например, полом, возрастом, уровнем образования, профессией и т. п. — она характеризуется), тем выше вероятность ошибок.

Облегчить процесс выборки помогает кластерная выборка, которая предполагает разбиение генеральной совокупности на территориальные *кластеры* (от англ. *cluster*, букв. ‘пучок, куст’, а также ‘группа’) с последующей выборкой индивидов в пределах кластеров.

Еще один вид выборки — стратифицированная случайная выборка. Исследователь обычно имеет представление о структуре генеральной совокупности и может подразделить ее на определенные страты. Так, среди множества носителей русского литературного языка выделяются такие страты, как промышленные рабочие со средним образованием, служащие, журналисты и писатели, студенты-филологи и пр. Чтобы быть уверенным, что в выборку попадет должное количество представителей каждой страты, достаточно провести случайную выборку в каждой из них, а затем объединить полученные выборки. В этом случае уменьшение размеров выборки не приводит к увеличению ошибки. При стратифицированной выборке гораздо проще соблюсти принцип пропорционального представления в ней квот с необходимыми наборами социальных параметров.

Может показаться, что выделение самих страт и определение их численного соотношения представляет собой дополнительную сложность, однако стратификация множества носителей литературного языка существует независимо от исследователя и применение стратифицированной выборки позволяет лишь более отчетливо осознать проблему определения границ множества носителей литературного языка.

Для упрощения процесса подбора индивидов, подлежащих изучению, различные типы выборок могут совмещаться в многоступенчатую выборку. Многоступенчатые выборки особенно эффективны, если необходимо создать представительную выборку, элементы которой различаются по многим значимым параметрам.

Например, для исследования билингвизма молодежи в многоязычном городе структура выборки должна повторять структуру генеральной совокупности по всем параметрам,

которые могут влиять на коммуникативное поведение билингвов. Сведения о социальной и этнической структуре молодежи можно почерпнуть из официальных источников (при этом надо иметь в виду, что соотношение различных этносов среди молодежи может значительно отличаться от их соотношения во всем населении города — как за счет отличий в возрастной структуре отдельных народов, так и за счет разницы в интенсивности миграционных процессов). Выборку незанятой молодежи целесообразно проводить по месту жительства, работающей молодежи — по предприятиям и учреждениям, старшеклассников — по школам, студентов — по вузам. Для выборки из каждой страты территорию города можно разбить на кластеры, но в общем случае “жилые”, “производственные” и тому подобные кластеры не будут совпадать. В идеале кластеры каждой страты следует подвергнуть процедуре случайной выборки (которая может быть и многоступенчатой: при “жилой” выборке сначала случайным образом отбираются административные районы, внутри отобранных районов — кварталы и далее отдельные дома), а затем уже в отобранных кластерах произвести выборку индивидов. Конечно, нельзя забывать, что этносы в городе могут быть расселены неравномерно.

Изложенные способы получения выборочной совокупности — это тот идеал, к которому надо стремиться. Для социолингвиста, изучающего большие генеральные совокупности, он редко достижим, и не только из-за сложностей, связанных со случайной выборкой¹: само обследование и последующая обработка собранного материала требуют больших материальных вложений.

У нас в стране самым впечатляющим мероприятием такого рода стало изучение под руководством В. А. Аврорина языковой ситуации в Сибири: в 1967—1969 гг. был обследован 31 народ (всего охвачено 58 тыс. человек, более 7% коренного сельского населения Сибири)². Однако нацио-

¹ При изучении языковой ситуации данные о релевантной стратификации населения можно получить из материалов переписей; сложнее готовить выборку при исследовании языкового варьирования или каких-либо форм существования языка (литературного языка, просторечия, жаргонов и т. п.): и общее число носителей соответствующей разновидности, и стратификация их по значимым параметрам известны лишь весьма приблизительно.

² Даже при пилотажном обследовании, в ходе которого отработались методические детали, было проанкетировано более 4 тыс. человек.

нальная и языковая политика того времени не предполагала реальных мероприятий по поддержке местных языков, и в результате собранные материалы оказались невостребованы, обработаны они были неполностью и опубликованы лишь частично.

Методически аккуратные массовые социолингвистические исследования возможны лишь при поддержке заинтересованных в них государственных институтов, а это мало где в мире имеет место. Приятное исключение составляет Япония, где государство на протяжении многих лет финансирует многоаспектные социолингвистические исследования. Информанты подбираются не только по социальным характеристикам, но и по психологическим (например, на определенном этапе отбора “испытуемым предлагалось посмотреть мультфильм, в котором постепенно собака превращалась в кошку; выяснялось, в какой момент это отметил тот или иной информант <...> в результате к анкетированию допускались лишь лица с наиболее усредненной реакцией, которые имели больше шансов считаться типичными носителями языка”) [Алпатов 1988: 98]. Тщательный отбор информантов делает вполне репрезентативными для всех говорящих по-японски выборки в несколько сотен, а для некоторых задач даже и десятков человек.

Для сравнительно небольших генеральных совокупностей вполне реально получить выборку, приближающуюся ко всему изучаемому социуму по многим параметрам. Например, при исследовании этно-языковых процессов у сельских шорцев Кемеровской области в 1976 г. (изучалось владение шорским и русским языками, использование их в быту и на производстве) выборка производилась с учетом половозрастной и социально-профессиональной структуры населения. При этом в выборке доля неквалифицированных работников составила 56,9% (всего среди работающего населения, по данным похозяйственных книг сельсоветов, эта категория составляла 58,0%; далее показатели по генеральной совокупности приведены в скобках), квалифицированных работников физического труда – 29,6% (29,8%), механизаторов – 5,6% (6,0%), служащих – 4,3% (4,8%) и т. д.; почти идентична и половозрастная структура: например, среди женщин лица старше 60 лет составили в выборке 18,6% (среди всех взрослых женщин – 17,6%), в возрасте 50–59 лет – 16,5% (16,0%), 35–49 лет – 25,0% (27,9%) и т. д.

Примерно такое же соотношение соблюдалось в выборке повторного обследования через 10 лет, в 1986 г. [Патрушева 1996: 123–124].

Определение выборочного отношения – наиболее сложный и ответственный этап подготовки обследования, но при аккуратном и тщательном подходе репрезентативными могут оказаться достаточно небольшие выборки.

Социологи накопили значительный опыт в выделении выборочной совокупности. Институт Гэллапа и другие авторитетные организации, занимающиеся изучением общественного мнения всего населения США, пользуются выборками в 1,5–2 тыс. человек [Смелзер 1994: 641]. Популярными в России конца 1990-х годов еженедельные опросы “за кого бы вы голосовали, если бы выборы президента происходили в ближайшее воскресенье”, результаты которых регулярно комментировались на телеканале НТВ, также проводились на выборке в 1,5–2 тыс. человек (были представлены разные слои населения 29 регионов).

Однако буквальное перенесение чисто социологических приемов на подготовку значимой в языковом отношении выборки может закончиться провалом даже при гораздо больших значениях выборочного отношения.

В ходе проводившегося в 1994 г. Госкомстатом России “выборочного социально-демографического обследования (микрпереписи) населения с охватом 5% постоянного населения” [Ежегодник 1995: 13] в отличие от предыдущих переписей задавались социолингвистически значимые вопросы. Детали отбора выборочной совокупности не публиковались, но можно думать, что ее формировали грамотные социологи, работавшие по общепринятой у нас в стране, хорошо обкатанной методике многоступенчатой выборки: территория страны делится на зоны, “в каждой зоне производится стратификация административных районов и городов <...> на страты³ равного объема. Из каждой страты с вероятностью, пропорциональной размеру района/города, отбирается в выборку один район или город. В каждом из районов отбираются случайно конкретные поселения” и так далее вплоть до случайного выбора респондента [Социология 1996: 426].

³ Здесь стратами называется то, что мы выше называли кластерами.

Вероятно, полученные в ходе микропереписи чисто демографические сведения (типы и размеры домохозяйств, распределение женщин по числу рожденных детей в зависимости от возраста и т. п.) достаточно надежны, но то, что интересует социолингвиста (таблица “Население по национальности и владению языками” [Ежегодник 1995: 25–27]), явно не соответствует реальности.

Рассмотрим фрагмент указанной таблицы, касающийся некоторых народов Севера (табл. 1). В нашу таблицу мы отобрали данные об использовании соответствующих этнических языков *дома* (“на 1000 человек данной национальности”) — колонка 1, *в учебном заведении, дошкольном учреждении* (“на 1000 человек данной национальности, посещающих учебные заведения или дошкольные учреждения”) — колонка 2 и *на работе* (“на 1000 человек данной национальности, имеющих занятия”) — колонка 3. Данные об абсолютном числе опрошенных отсутствуют (надо полагать, для каждого народа они не должны сильно отличаться от 5%), но в публикации народы упорядочены по убыванию. Для сопоставления и верификации результатов воспользуемся материалами переписи 1989 г. по численности в пределах РСФСР (тыс. человек) — колонка 4, и доле тех, кто назвал этнический язык родным (%), — колонка 5.

В этой таблице стоит обратить внимание на данные по ненцам, чукчам и нганасанам; согласно переписи, они довольно хорошо сохранили знание этнических языков, то же подтверждают и исследователи (ср.: “положение чукотского языка, наряду с ненецким <...> наиболее благоприятно из всех языков народностей Севера” [Булатова и др. 1997: 20]). Между тем микроперепись показала невысокое использование соответствующих языков во всех сферах. Судя по тому, что на производстве эти народы практически не пользуются родными языками, они, вероятно, трудятся в интернациональных коллективах. Между тем известно, что большая их часть занята преимущественно *физическим трудом в сельской местности* (в основном это выпас оленей в тундре, причем трудовые коллективы этнически довольно однородны), среди ненцев на 1989 г. таковых было 69,1% от общего числа занятых, среди чукчей — 76,8%, среди нганасан — 86,6%. При более внимательном взгляде на табл. 1 выясняется, что в упорядоченном по численности списке народов ненцы пропустили вперед вдвое

уступавших им в 1989 г. шорцев, чукчи — долган, а нганасаны даже энцев, которых они численно превосходят в шесть с лишним раз!

Таблица 1

	1994			1989	
	Используют этнический язык			Численность этноса, тыс. чел.	% назвавших этнич. язык родным
	дома	в учеб. завед.	на работе		
Эвенки	61	6	7	29,9	30,4
Ханты	269	7	102	22,3	60,8
Эвены	201	71	188	17,1	43,8
Шорцы	222	17	31	15,7	57,5
Ненцы	263	—	62	34,2	77,7
Нанайцы	106	22	33	11,9	44,1
Долганы	487	29	189	6,6	84,0
Чукчи	54	—	16	15,1	70,4
Манси	40	—	—	8,3	36,7
Селькупы	304	—	24	3,6	47,7
Нивхи	7	—	—	4,6	23,3
Ительмены	15	—	16	2,4	18,8
Саами	—	—	—	1,8	42,0
Эскимосы	11	—	—	1,7	51,6
Ульчи	28	—	—	3,2	30,7
Юкагиры	—	—	—	1,1	32,0
Орочи	—	—	—	0,9	17,8
Удэгейцы	54	—	—	1,9	24,3
Кеты	42	—	—	1,1	48,8
Энцы	45	—	100	0,2	46,5
Алеуты	71	—	200	0,6	25,3
Негидальцы	—	—	—	0,6	26,6
Нганасаны	286	—	—	1,3	83,4
Тофалары	200	—	—	0,7	42,8
Ульга (ороки)	—	—	—	0,2	44,7

Ясно, что расселение народов по административным районам и отдельным населенным пунктам далеко от равномерности. Если этническая стратификация не учитывается, в число респондентов могут попасть нетипичные представители малочисленных народов, а какие-то этносы вообще выпадут из выборочной совокупности.

Даже если бы 5-процентная выборка равномерно охватывала каждый народ, она не могла бы дать достоверных социолингвистических результатов для тех этносов, которые насчитывают несколько сотен или тысяч человек, поскольку выборочная совокупность должна охватывать определенное число носителей различных комбинаций нескольких социальных параметров, часто многозначных. Не случайно организаторы упоминавшегося наиболее фундаментального массового обследования языков Сибири пришли к выводу о необходимости неравной выборки для отдельных народов: от 2,5% для якутов и бурят до 100% для самых малочисленных. В противном случае “полученная информация носила бы случайный и малоубедительный характер” [Аврорин 1975: 254].

5.2. Методы сбора материала

5.2.1. Наблюдение

Давно замечено, что в молодых науках наблюдение является одним из основных способов получения материала. Более того, наблюдение часто дает толчок к возникновению новых направлений в тех или иных сферах научного знания. Например, установленное в результате многократных наблюдений индивидуальное своеобразие человеческого почерка способствовало рождению прикладной криминалистической науки — почерковедения; систематические наблюдения за животным миром, осуществлявшиеся под практическим углом зрения (нельзя ли некоторые способности животных использовать в технике?), дали начало бионике и т. п.

Как очевидно из самого смысла слова “наблюдение”, этот метод эффективен при изучении процессов, которые происходят на наших глазах. Можно, конечно, изучать следы, результаты, оставшиеся после того, как тот или иной процесс закончился, но в этом случае метод наблюдения недостаточен. Чтобы понять механизмы, управлявшие этим процессом, необходимо его моделировать (поскольку исследователи лишены возможности его наблюдать), сравнить его с другими, аналогичными процессами, экстраполировать имеющиеся результаты на похожие ситуации или совокупности фактов и т. п., — иначе говоря, применить какие-

то иные методы изучения объектов. И чем более зрелой и самостоятельной является данная наука, тем большую роль играют в ней другие, помимо наблюдения, приемы и способы получения материала и его научной интерпретации. Однако и сформировавшись, выработав определенный набор исследовательских приемов, та или иная научная дисциплина не отказывается от наблюдения как методического приема. При всей простоте и доступности каждому исследователю этот испытанный метод, как правило, дает материал, стимулирующий научное познание действительности.

Бесспорна и общепризнанна колоссальная роль наблюдения в таких науках, как физика, химия, биология, медицина, астрономия. Начиная с простых наблюдений, представители этих наук со временем усовершенствовали собственное зрение: изобрели микроскоп, телескоп, придумали инструменты, с помощью которых можно проникать внутрь объекта (эндоскопы, томографы, катетеры и т. п.).

В науках о человеке наблюдение играет очень важную роль. Если при изучении природных объектов исследователь может применять разного рода инструментальные методы (химик воздействует на анализируемое вещество кислотами, щелочами, высокой температурой, металлург испытывает металлы на прочность, подвергает их деформации и т. д.), то к человеку подобные методические приемы применимы лишь в случаях, когда он изучается как физическая субстанция с определенными функциями: у него берут кровь, его “просвечивают” рентгеном, снимают кардиограмму... Но когда надо подвергнуть анализу его поведение, то многие инструментальные методики не пригодны по той простой причине, что они оказывают возмущающее воздействие на объект анализа: под влиянием тех или иных приборов, предназначенных для фиксации реакций индивида, эти реакции получаются не совсем такими (или совсем не такими), какие имеют место при спонтанном поведении того же индивида. Более того, и простое внешнее наблюдение, не связанное с применением инструментальной техники, может оказывать на изучаемого человека или группу людей воздействие, искажающее истинную картину, мешающее нормальным поведенческим процессам.

Каждый из нас мог убедиться в этом и на собственном опыте. Если человек ест, а его при этом пристально разгля-

дывают, он может поперхнуться или подавиться; многие интимные физиологические процессы и реакции невозможны в присутствии постороннего лица и даже знакомого, близкого человека. Что же говорить о несомненном “чужаке” — ученом-исследователе, который ставит перед собой задачу наблюдать за поведением людей!

Воздействие наблюдателя не прекращается и в тех случаях, когда наблюдаемые благожелательно относятся к самому исследованию. В 1927—1932 гг. группа американских социологов под руководством Э. Мэйо выясняла, какие факторы влияют на производительность труда на заводе Хоторна в Чикаго. Экспериментаторы меняли продолжительность и количество перерывов, обеденное время, освещенность, способы организации отдельных рабочих в бригады и другие параметры. При каждом изменении, даже тогда, когда ученые возвращались к условиям, существовавшим на одной из предшествующих стадий, производительность труда возрастала. Оказалось, что испытуемые, гордясь тем, что им уделяют столько внимания, выработали на этой основе своеобразную групповую идентичность и всячески старались оправдать интерес к себе. Такой тип реакции получил в социологии наименование хоторнского эффекта.

Хоторнский эффект действует и при изучении речевого поведения: испытуемый хочет показать себя “с лучшей стороны”, “угодить” исследователю: либо говорить “культурнее”, либо, наоборот, утрировать в своей речи то, что сам считает неправильным, — всё зависит от того, как он интерпретирует ожидания исследователя. У. Лабов даже сформулировал положение, касающееся методики наблюдения как способа получения языкового материала. Это положение он назвал парадоксом наблюдателя: “целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведется систематического наблюдения; а получить такие данные можно лишь путем систематических наблюдений” [Лабов 1975: 121]. “Разумеется, — добавляет Лабов, — эта проблема не является неразрешимой: мы должны изыскать способы дополнить официальные интервью другими данными или как-либо изменить структуру самой ситуации интервью”.

Существуют разные способы уменьшить воздействие наблюдателя на изучаемые им процессы, происходящие при

речевом общении в человеческих коллективах. Например, можно попытаться сделать наблюдение скрытым от наблюдаемого: в этом случае исследователь, подобно скрытой видеокамере, фиксирует особенности речевого поведения изучаемых им людей без их ведома и, естественно, получает более объективные данные, чем когда он объявляет о своих исследовательских намерениях.

Бывают ситуации, когда иначе, как скрытно, исследователь и не может вести свои наблюдения. Выдающийся фонетист-экспериментатор, знаток русской речи во многих ее разновидностях С. С. Высотский однажды присутствовал в старообрядческой общине, где вообще никаких записей делать было нельзя. И все-таки наиболее интересные факты речи старообрядцев он зафиксировал: он делал записи, не вынимая правую руку из кармана, вслепую! Две московские лингвистики, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, занимались систематическими наблюдениями над речевым поведением людей на московских митингах 1991—1993 гг. Обстановка, поведение толпы, эмоции выступающих в митинговой ситуации таковы, что не дай Бог, если окружающие обнаружат, что кто-то ведет какие-то записи! Это попросту опасно для здоровья и жизни наблюдателей. Естественно, большая часть записей в условиях митинга была получена путем скрытого наблюдения.

Если исследователю не удастся скрыть собственное присутствие и свою позицию наблюдателя, то он может сообщить изучаемым ложную цель своих действий; например, имея в виду изучение именно речи и речевых особенностей той или иной группы, заявить ее представителям, что он интересуется мнением членов этой группы по какому-либо актуальному политическому или социальному вопросу.

В ситуации открыто работающей звукозаписывающей аппаратуры можно попытаться натолкнуть испытуемых на рассказ о таких событиях их собственной жизни, которые им особенно памятливы, или интересны, или связаны с риском, опасностью и т. п. Как правило, при этом условии человек через некоторое время забывает о микрофоне и речь его делается непринужденной.

Подобные приемы, используемые при наблюдении, способствуют большей естественности в поведении членов изучаемых социальных общностей, и тем самым исследователь получает материал, более или менее адекватно отража-

ющий “истинное положение дел”, т. е. спонтанное, не скованное присутствием наблюдателя речевое поведение индивидов.

5.2.2. Включенное наблюдение

Один из наиболее эффективных способов преодоления “парадокса наблюдателя” — включенное наблюдение. Этот способ изучения поведения людей заключается в том, что исследователь становится членом наблюдаемой им группы. Например, социологи часто становятся членами производственных бригад, геологических партий, сотрудниками отделов в научно-исследовательских институтах и т. п. Это, во-первых, дает им возможность изучать групповое поведение изнутри и во всех или во многих ситуациях внутригруппового общения и, во-вторых, избавляет от необходимости объявлять изучаемым индивидам о целях своих наблюдений и даже (если это возможно) о том, что такие наблюдения вообще ведутся.

Естественно, что включенным наблюдение может быть тогда, когда ничто не мешает исследователю отождествить себя с членами наблюдаемой социальной группы — по расовым, национальным, языковым, поведенческим и иным признакам. Европейцу, например, трудно осуществлять включенное наблюдение в группах китайцев или негров; взрослый исследователь никак не может быть полностью ассимилированным в группе изучаемых им подростков; горожанин-диалектолог всегда воспринимается жителями деревни как человек не из их среды и т. д.

Если же подобных препятствий нет и наблюдатель способен внедриться в группу, сделавшись “таким же, как все”, он может успешно скрывать свои исследовательские намерения, а затем и действия. “Разоблачение” же приводит к неудаче, а в некоторых ситуациях и опасно для жизни наблюдателя. Так, два этнографа-европейца изучали образ жизни, особенности поведения и язык дервишей — бродячих монахов-мусульман — и настолько умело мимикрировали, что монахи принимали их за своих; разоблачены же они были по привычке машинально отбивать музыкальный ритм ногой, что совершенно чуждо дервишам. Известен случай с заключенным филологом, который в лагере пытался скрытно от других заключенных вести записи воровско-

го жаргона. Однако его положение интеллигента-чужака среди уголовного люда довольно быстро привело к тому, что соседи по бараку разоблачили его и сочли стукачом. С большим трудом ему удалось доказать научный характер своих занятий, после чего ему даже стали помогать в сборе материала.

Социолингвистика активно осваивает заимствованный у социологов метод включенного наблюдения. Для изучения речевого поведения людей этот метод в каком-то смысле даже более необходим, чем в социологических исследованиях: речь человека чувствительнее, чем многие другие стороны его поведения, к внешним воздействиям, которые искажают истинную языковую жизнь отдельного человека и целого коллектива; поэтому задача устранить эти внешние воздействия здесь еще более настоятельна.

Как при внешнем, так и при включенном наблюдении исследователь должен фиксировать наблюдаемый речевой материал. Фиксация может осуществляться двумя основными способами: в ручную и инструментально.

Записи от руки удобны тем, что к ним не надо специально готовиться: если у вас есть карандаш и бумага, а ваше ухо “настроено” на восприятие определенных фактов речи, то при условии, что наблюдаемый объект (человек или группа людей) не знает о ваших намерениях или, зная, не протестует против них, записи могут быть осуществлены относительно легко и успешно. Особенно эффективны записи от руки при наблюдении за случайными, редко появляющимися в речевом потоке единицами языка — словами, словоформами, синтаксическими конструкциями. Если же стоит задача исследовать не отдельные факты, а, например, связную речь, характер диалогического взаимодействия людей в процессе общения, особенности произношения, интонации и речевого поведения в целом, то записи от руки малопродуктивны: наблюдатель способен зафиксировать лишь отдельные звенья речевой цепи и выбор этих звеньев всегда субъективен.

Поэтому для большей части задач, решаемых современной социолингвистикой при исследовании устной речи, характерно применение инструментальной техники — главным образом магнитофонов и диктофонов (для фиксации жестового и мимического поведения используются также видеокамеры). Их применение может быть откры-

тым и скрытым. При открытом использовании записывающего прибора исследователь объявляет информантам о цели (истинной или ложной) своих записей и старается в процессе наблюдений за их речью уменьшить эффект микрофона, в той или иной степени сковывающий естественное поведение изучаемых индивидов.

Исследователи современной русской разговорной речи, осуществлявшие в 70-е годы XX в. массовые записи спонтанной речи, пришли к выводу, что при длительном общении с информантами эффект микрофона в значительной мере удается снять и большая часть записей бесед с информантами, их рассказов о тех или иных ситуациях их жизни свидетельствует о достаточно свободном речевом поведении людей при включенном магнитофоне (см. цикл работ о русской разговорной речи: [Земская 1968; РРР 1973; РРР 1978; Земская и др. 1981; РРР 1983]).

Однако это поведение еще более свободно и естественно, если говорящий не знает, что его речь записывают (а такой материал, разумеется, наиболее ценен). Поэтому когда возможно, социолингвисты широко применяют скрытую инструментальную запись. Когда же таких возможностей нет, некоторые исследователи совмещают открытую и скрытую запись. Так, У. Лабов при работе со своими информантами делал магнитофонные и видеозаписи открытым способом, а затем объявлял перерыв в работе и, когда испытуемые расслаблялись во время отдыха, ведя друг с другом неторопливые беседы, получал данные о спонтанной речи говорящих уже с помощью скрыто работавших магнитофонов и видеокамер [Labov 1966].

Скрытая магнитофонная запись часто применяется в “полевых” условиях: в магазине, вагоне поезда, у железнодорожной кассы, на приеме у врача и т. п. В этих случаях удается получить массовый материал, характеризующий стереотипное поведение людей в стандартной ситуации, зафиксировать различия подобных стереотипов (вопросов, ответов, реплик) в зависимости от социальных характеристик коммуникантов.

При включенном наблюдении, особенно при инструментальной фиксации речи наблюдаемых, важное значение приобретает этический фактор. Если наблюдение велось хоть сколько-нибудь систематично и чужие речевые произведения — это не случайно услышанные на улице фразы, то

для их использования (особенно если иметь в виду публикацию) желательно заручиться согласием наблюдаемого индивида. В любом случае должна быть соблюдена анонимность исследуемых — конечно, если это не противоречит их собственному желанию.

Во всех описанных разновидностях внешнего и включенного наблюдения речь идет о таких путях сбора социолингвистической информации, когда исследователь наблюдает за речевым поведением индивидов или групп людей, не пытаясь влиять на это поведение и даже стараясь внешне не обнаруживать свою позицию наблюдателя.

Однако часто ученые сталкиваются с необходимостью решать задачи на определенном, заранее избранном языковом материале. Иначе говоря, исследованию должен быть подвергнут не речевой поток в целом, а те или иные его фрагменты, включающие определенные слова, словоформы, какие-либо (например, фонетические или морфологические) варианты и т. п. Объективная фиксация спонтанного речевого поведения людей в этом случае потребовала бы очень большого времени и затраты сил, поскольку нельзя “заказать” говорящему продуцирование только тех речевых фактов, которые интересуют исследователя, и эти факты пришлось бы “выуживать” из больших массивов записей.

Чтобы избежать этого, методы сбора социолингвистического материала делают направленными. К направленным методам сбора социолингвистического материала (опросам) относятся устное интервью и анкетирование.

5.2.3. Устное интервью

Метод интервью также заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии. Однако он претерпел существенные изменения в связи со спецификой исследовательских задач, отличающей эти задачи от того, что приходится решать социологам и социопсихологам. Если последние используют устное интервью для того, чтобы выяснить мнение информантов по тем или иным социальным, политическим, культурным вопросам (например, о том, за кого они предпочитают голосовать на ближайших выборах, какой фильм прошедшего года считают лучшим и

т. п.), то социолингвиста часто интересует скорее форма ответов, чем их содержание.

Конечно, можно использовать методику интервью и для “лобовых” вопросов о правильности / неправильности тех или иных языковых выражений, об отношении к неологизмам, заимствованиям, ненормативной лексике и т. п., но данные, полученные с помощью таких вопросов, характеризуют не использование языка разными группами говорящих, а их отношение к языку, оценку отдельных языковых фактов. Разумеется, мнения людей об их собственном языке важны, и социолингвистика эти мнения изучает. Но все же несомненно, что это вторичный материал, поскольку главная задача синхронной социолингвистики — исследование механизмов спонтанного использования языка различными социальными группами говорящих в разных коммуникативных ситуациях.

Поэтому основная функция метода интервью — получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение людей. В зависимости от того, какие задачи ставит себе исследователь, интервью может иметь форму относительно свободной беседы интервьюера с информантом на заданную тему (сохранение одной и той же темы в беседах с разными информантами важно, поскольку это позволяет сравнивать речь разных людей) — или же состоять из заранее подготовленных и, как правило, логически связанных друг с другом вопросов, провоцирующих отвечающего на употребление тех или иных языковых единиц. Интервью называют *формальным* (если оно имеет строго спланированный сценарий) и *неформальным* (когда такого сценария нет и общение интервьюера и интервьюируемого следует естественной логике развития беседы).

Свободная, неформальная разновидность интервью может использоваться, например, при фонетических исследованиях: даже на сравнительно коротких отрезках звучащей речи проявляются основные черты произносительной нормы и отклонения от нее (характер ударных и безударных гласных, смягчение / несмягчение согласных перед мягкими согласными, вариативность традиционной и новой норм и т. п.).

Интервью по заранее составленной программе также годится для изучения произносительных особенностей, однако получить таким путем данные, касающиеся, например, словоупотребления или грамматических характеристик ре-

чи, трудно, поскольку определенные слова и грамматические формы встречаются в речевой цепи значительно реже, чем те или иные звуки и их сочетания. Поэтому интервью с предварительно подготовленными вопросами используется главным образом тогда, когда надо стимулировать информанта к употреблению тех языковых фактов, которые интересуют исследователя. Естественно, истинная цель такого интервью должна быть скрыта от информантов: им предлагается ответить на вопросы, касающиеся их быта, работы, отдыха, любимых занятий и т. п.

Например, при массовом обследовании носителей русского литературного языка, осуществлявшемся московскими лингвистами в 60-е годы XX в., информантам задавались вопросы такого типа:

— *Какие деревья растут во дворе вашего дома?* (Ожидаемый ответ, в ряду других: *тополи / тополя*); — *Вы перед работой успеваете позавтракать? Чай любите или кофе? А если кофе, то с молоком или?..* (Ожидаемый ответ *чёрный / чёрное*) и т. п. (см. [Крысин 1968: 104–107]).

Исследователи нередко используют метод интервью, даже не всякий раз отдавая себе в этом отчет. Рассмотренный выше метод наблюдения, в том числе и включенного, в значительной степени сводится к многочисленным беседам с представителями изучаемого социума. Каждый социолингвист так или иначе узнаёт, как носители языка оценивают коммуникативное поведение отдельных лиц, что они думают о статусе языка, языковой политике, языковой ситуации, роли тех или иных форм существования языка в жизни общества и многих других подобных материях. Если к сбору таких сведений подходить более осознанно, заранее разрабатывать программу беседы, формулировать для себя в явном виде те вопросы, на которые следует получить ответы, целенаправленно подбирать собеседников, репрезентативных для различных социальных страт и общества в целом, то эффективность непринужденной беседы может оказаться не ниже формального интервьюирования.

5.2.4. Анкетирование

Анкетирование — один из самых распространенных, “едва ли не самый надежный” [Аврорин 1975: 248] метод получения социолингвистической информации. Он приме-

няется главным образом при обследовании больших совокупностей говорящих, т. е. в макросоциолингвистических исследованиях.

Анкета представляет собой перечень вопросов, которыми могут быть приписаны заранее заготовленные варианты возможных ответов (в этом случае важно, чтобы альтернативные ответы не пересекались и в сумме покрывали все возможности). Такие вопросы называются *з а к р ы т ы м и*; им противопоставлены *о т к р ы т ы е* вопросы, когда респондент сам выбирает и форму, и содержание ответов.

Во многих случаях формально открытые вопросы по существу предполагают вполне определенный и ограниченный список возможных ответов; подобные вопросы можно назвать *з а к р ы в а е м ы м и*. Таков, например, вопрос о возрасте респондента, где все варианты легко укладываются в незначительное по объему подмножество натуральных чисел. Если набор альтернатив не столь очевиден, исследователь может заготовить список стандартных рубрик, по которым распределяются все варианты ответов. Этот рубрикатор может готовиться при предварительной обработке заполненных анкет, но часто он известен и до анкетирования.

Так обстоит дело с вопросами переписей о национальности и родном языке у нас в стране: респондент может указывать любую национальность (родной язык), но еще на стадии подготовки к переписи готовятся *словари языков* и *словари национальностей*, в соответствии с которыми, скажем, национальности *камчадал*, *помор* или *казак* при обработке анкет автоматически переводятся в *русский*, а языки *эрзя* и *мокша* — в *мордовский*.

Обычно анкетирование проводится с целью получить статистические результаты, поэтому подавляющее большинство содержащихся в анкетах вопросов либо закрытые, либо могут быть закрыты при их обработке.

Социолингвистические анкеты можно разделить на два типа: одни нацелены на объективное исследование функций и роли языка в обществе, другие — на изучение речевого узуса, на оценку носителями языка конкурирующих языковых вариантов.

Более распространены анкеты первого типа. С их помощью в многоязычных сообществах выясняется, какой из языков, используемых в данном сообществе, по мнению представителей разных национальных и социальных групп, дол-

жен обладать статусом государственного; какой из двух (или более) языков выбирает билингв при общении на производстве, в городских ситуациях, в семейном общении и т. п.

Рассмотрим в качестве примера анкету, с помощью которой Институтом языковедения АН УССР в середине 1980-х годов изучался социолингвистический аспект украинско-русского двуязычия [Украинско-русское... 1988: 18–19].

1. Фамилия, имя, отчество (заполняется по желанию информанта) _____
2. Год рождения _____
3. Место рождения _____
4. Пол (муж., жен.) Подчеркните.
5. Национальность _____
6. Образование (подчеркните):
 - а) незаконченное среднее;
 - б) среднее;
 - в) среднее специальное;
 - г) незаконченное высшее;
 - д) высшее (гуманитарное, естественно-научное, техническое).
7. Профессия _____
8. Социальное происхождение (подчеркните): из рабочих, колхозников, служащих.
9. Социальное положение (подчеркните): учащийся, рабочий, колхозник, служащий (укажите должность).
10. Место проживания в настоящее время (город, село, район, область). Назовите полностью. _____
11. Укажите город, село, район, область, где Вы проживали наиболее длительное время _____
12. Ваш родной язык (русский, украинский, другие языки народов СССР) _____
13. Обучались Вы русскому языку только целенаправленно (в школе и т. д.) или же в общении с лицами, говорящими по-русски (в семье, на работе, в армии и т. д.)? Укажите _____
14. Как Вы оцениваете степень владения русским языком (подчеркните один из пунктов):
 - а) понимаю говорящего по-русски;
 - б) читаю, но говорю и пишу с затруднениями;
 - в) читаю, пишу и свободно говорю.
15. На каком языке (русском, украинском или каком-либо другом) говорили до поступления в школу? _____
16. В школе с каким языком обучения (русским, украинским или каким-либо другим) учились? _____
17. На каком языке (русском или украинском) общаетесь (если общаетесь на двух языках, также укажите): _____

- а) с украинцами?
 б) с русскими?
 в) с людьми другой национальности, говорящими по-русски?
18. На каком языке (русском или украинском) Вы общаетесь (если общаетесь на двух языках, также укажите):
а) в семье:	б) в школе?
с родителями?	в) на работе?
с детьми?	г) с друзьями?
с мужем?	д) с соседями?
с женой?	е) со знакомыми?
с другими родственниками?	ж) в быту (магазин, транспорт, мастерские и т. п.)?
19. На каком языке (русском, украинском) Вы предпочитаете:
- а) читать книги?
 б) смотреть спектакли?
 в) смотреть телепрограммы?
 г) слушать радиопередачи?
20. На каком языке (русском или украинском) Вы выступаете на собраниях? Подчеркните.
21. На каком языке (русском, украинском или каком-либо другом) проводятся (или проводились) занятия с Вашими детьми, внуками:
- а) в детских яслях?
 б) в детском саду?
22. В школе с каким языком обучения (русским, украинским или каким-либо другим) учатся (или учились) Ваши дети? Внуки? _____

Эта анкета отражает как достоинства, так и недостатки наиболее часто используемых в социолингвистических исследованиях способов письменного опроса носителей языка. Поэтому полезно прокомментировать ее более подробно.

Уже сама форма анкеты таит в себе подводные камни, которые так или иначе должны были сказаться на результатах исследования.

Первый пункт, несмотря на факультативность его заполнения, может вызвать у респондента негативную реакцию и повлиять на результаты анкетирования; но главное — он не несет никакой социолингвистической информации.

Не ясно, как заполняются п. 5 (по документам или “по ощущению”) и п. 12 (о неоднозначности понятия *родной язык* мы говорили).

Неоднозначно интерпретируется и вопрос об образовании (б), где низшая ступень именуется “*незаконченное среднее*”, внешне эта категория напоминает официально при-

нятый в СССР (и в современной России) термин *неполное среднее образование*⁴, и именно так могут его понять многие респонденты. Те из них, кто не имеет свидетельства о неполном среднем образовании, строго говоря, должны оставить графу б незаполненной. Можно думать, что составители имели здесь в виду всякий образовательный уровень ниже среднего. Но это странно, особенно если на информантов не накладываются возрастные ограничения: в старших возрастных группах по-прежнему существуют неграмотные и малограмотные, а лица с начальным образованием довольно многочисленны во всех поколениях. Нет нужды останавливаться на самоочевидных различиях в коммуникативном поведении малограмотных и тех, кто имеет начальное образование, — последнее может быть “почти” неполным средним (например, человек всего лишь не закончил восьмой класс).

Вопросы о социальном происхождении и положении (8 и 9), напротив, оперируют общепринятыми в СССР, но мало информативными для социолингвистики категориями. В частности, совершенно неясен род занятий (и реальное социальное положение) проживающих в сельской местности рабочих: это могут быть шахтеры (в Донбассе) или рабочие крупных промышленных предприятий (в пригородных зонах) — они трудятся в заведомо многонациональных коллективах, или же рабочие мелких предприятий типа ремонтных мастерских, зернохранилищ, магазинов, или рабочие совхозов, в социальном отношении не отличимые от колхозников. Уточнение *укажите должность* помогает мало: скажем, должность *бригадир* бывает на самых разных производствах.

Вопросы 3, 10 и 11 предназначены, вероятно, для выяснение языкового “анамнеза” респондента, но не вполне достигают этой цели. Языковой репертуар индивида во многом определяется средой первых 10–12 лет жизни (а соответствующий вопрос в анкете как раз отсутствует), но при этом не зависит от места рождения и жительства в младенчестве; место проживания в момент опроса и даже место

⁴ Официальный смысл этого термина зависит от года завершения образования: с 1921 г. (когда в стране была унифицирована образовательная система) это 7 классов, с 1958 г. — начала 1960-х годов — 8 классов (переход на новую систему происходил неодновременно); в 1990-х годах в России осуществлен переход на 9-летнее неполное среднее образование.

наиболее длительного проживания могут сказаться на употреблении различных языковых вариантов гораздо слабее⁵.

Как известно, в условиях Украины билингвизм с детства — достаточно рядовое явление (другое дело, что языки могут быть нечетко разграничены). Между тем в приведенной выше анкете респондент обязан указать лишь один язык не только в качестве родного (п. 12), но и в качестве языка раннего детства (п. 15). При этом в семье можно говорить и на обоих языках (п. 16а), а на производственное общение накладывается неожиданное ограничение: вообще можно использовать любой язык или оба попеременно (п. 16в), но на собраниях надлежит придерживаться лишь одного из них (п. 20). Читать книги, смотреть спектакли и т. п., вероятно, допустимо на обоих языках, но предпочитать все же следует в каждом случае только один (п. 19).

Есть в рассматриваемой анкете и более мелкие недочеты в формулировках. Места проживания (п. 10, 11) следует указывать точно (*город, село, район, область*), а для места рождения вроде бы достаточно написать СССР или *село Троицкое*. Например, при буквальном понимании альтернатив, предлагаемых в пункте бд, человек с математическим образованием (а такое образование нередко сопровождается достаточно формализованным мышлением) не сможет его заполнить, поскольку математика не является ни гуманитарной, ни естественной, ни технической наукой. Тот, у кого родной язык, скажем, белорусский, формально говоря, не сможет заполнить п. 12 (это *другой* язык, а не *другие* языки). Еще сложнее заполнять этот пункт при родном венгерском или еще каком-нибудь, не входящем в число “языков народов СССР” (на 1989 г. венгры составляли 13% населения Закарпатской обл., румыны — 11% населения Черновицкой обл., болгары — 6% населения Одесской обл., в некоторых районах Украины жило много поляков и греков).

К формулировке вопросов, предполагающих субъективную оценку собственной языковой компетенции (п. 14), надо подходить максимально аккуратно. Опыт показывает,

⁵ Для Украины не будет редкостью человек, родившийся в Киеве, скажем, в 1919 г. и в младенчестве попавший в Польшу; там он мог провести первые 20 лет поровну в Стрые, Дрогобыче и Львове, говоря с детства на двух языках и получив образование на польском; в этом случае он с большой вероятностью на период 1939–1956 гг. (17 лет!) мог стать постоянным жителем — заключенным или ссыльным — Сибири или Дальнего Востока.

что заданные “в лоб” вопросы такого типа дают информацию релевантную разве что для этнопсихологии. По Кировоградской области, например, составители анкеты получили парадоксальные результаты: 100% русских признали родным этнический язык и только на нем говорили в раннем детстве, а к моменту опроса более трех четвертей из них испытывали затруднения не только при письме, но и при устном общении, чего не скажешь об украинцах ([Украинско-русское... 1988: 26]; абсолютные цифры пересчитаны в проценты) (табл. 2):

Таблица 2

Степень владения русским языком:	Украинцы	Русские
свободно говорю, читаю, пишу, %	60,4	22,2
читаю, но говорю и пишу с затруднениями, %	22,0	77,8
понимаю говорящего по-русски, %	17,6	0,0

Подытожим основные требования к составлению анкеты.

Все вопросы, включенные в нее, должны пониматься однозначно. Если какие-то вопросы или предлагаемые варианты ответов могут вызвать неполное понимание или различные толкования, необходимы ясные комментарии. Наличие в анкете открытых вопросов возможно лишь в двух случаях: во-первых, когда исследователь заранее представляет, к каким категориям они будут сведены, а формулирование всех возможных вариантов в самой анкете было бы слишком громоздким (например, вопрос о национальности при действительно многонациональной генеральной совокупности), во-вторых, когда статистическая обработка данного пункта анкеты не предполагается. Последний вариант часто встречается при предварительном анкетировании в ходе пилотажного исследования. Однако даже в этих случаях целесообразно делать вопросы лишь наполовину открытыми: наиболее вероятные закрытые рубрики дополнить рубрикой типа “Прочее (указать подробно)”.

Вопросы паспортной группы (пол, возраст, национальность, место жительства, социальное положение и т. п.) задаются исключительно в целях последующей разработки по соответствующим рубрикам, и именно этим задачам должна быть подчинена их формулировка. Например, если

в отношении возраста предполагается разрабатывать материалы не по каждому году отдельно, а по определенным когортам, то соответствующий вопрос целесообразно сразу сделать закрытым. Например, результаты рассмотренного анкетирования на Украине разрабатывались по категориям “до 25 лет” (нижний возраст анкетированных остается неясным), “от 25 до 45 лет”, “45–60 лет и старше” [Украинско-русское... 1988: 24]. Поэтому вместо вопроса о годе рождения технологически проще было бы поставить закрытый вопрос о возрасте с альтернативами ответов “?–25 полных лет”, “26–45 полных лет”, “46 и более полных лет”.

Ключевая лексика должна использоваться *терминологично*. В тех случаях, когда некоторая понятийная подсистема имеет общепринятые (особенно официально закрепленные) способы выражения, следует пользоваться именно ими. Если общепринятая рубрикация действительности входит в противоречие с задачами исследования, ее следует менять, но в этом случае надлежит особенно тщательно подходить к формулировкам.

Очевидно, что респондент должен иметь объективные основания для ответа на вопросы. Иногда в анкете требуется оценка некоей гипотетической ситуации; в этих случаях необходимо детально разъяснить, что именно означает такая ситуация. Например, в двуязычном обществе один язык — А — во всех сферах, кроме семейного общения, может доминировать над языком Б, являющимся родным для значительной части населения. Если поднимается вопрос о введении языка Б в систему образования, может быть проведено массовое анкетирование населения с целью выявить общественное мнение по этому вопросу.

Реальная практика таких опросов дает иногда парадоксальные результаты: за переход на язык Б в качестве средства обучения в средней школе высказываются больше респондентов, чем за использование его в той же функции в начальной школе. Реализация подобной образовательной политики привела бы к недопустимо низкому уровню знания выпускниками средней школы доминирующего в обществе языка А, чего респонденты не имели в виду. Значительная их часть попросту не смогли разобраться в сути предлагавшихся им вопросов (например, не осознавали отличие языка обучения от языка как изучаемого предмета). Точнее, составители анкеты не помогли респондентам ясно предста-

вить, что означает гипотетическая ситуация, по поводу которой предложено высказать свое мнение.

Иногда недостаточно опытные составители анкет из-за небрежности по-разному формулируют однотипные вопросы, включая, например, вопрос *Говорите ли Вы на языке А* наряду *Знаете ли Вы язык Б?* Это подталкивает респондента к противопоставлению глаголов *говорить* и *знать*, хотя сами составители могли не вкладывать в это различие никакого особого смысла (а если вкладывали, должны были разъяснить его более отчетливо). Такое “стилистическое разнообразие” ведет лишь к дополнительным сложностям и снижает достоверность ответов. Не менее важно, чтобы полностью совпадала и рубрикация ответов на однотипные вопросы.

Следует избегать вопросов сложной структуры, ответы на которые располагаются в двух плоскостях. Так, иногда вопросу о степени владения языком предлагается набор альтернатив следующего типа: *Владею в совершенстве; Свободно говорю, но не пишу и не читаю; Говорю с затруднениями; Понимаю общий смысл сказанного; Понимаю и воспроизвожу этикетные фразы; Не владею языком*. Здесь смешиваются языковая компетенция и владение письменной формой языка, что недопустимо не только для языков по существу бесписьменных (типа эвенкийского или вепского), письменных, но почти не имеющих литературы (типа алтайского или ненецкого), но и для развитых языков типа татарского или (в пределах России) армянского, поскольку во многих районах расселения соответствующих народов эти языки не используются в школьном обучении.

Еще один вполне обычный пример подобного смешения двух вопросов в одном дают вопросы о предпочтении языка массовой коммуникации.

Так, вопросу *На каком языке вы предпочитаете читать газеты?* могут быть приписаны альтернативы ответов: *Только на языке А; Чаще на языке А, В одинаковой мере на языках А и Б; Чаще на языке Б; Только на языке Б; Зависит от содержания*⁶. Вообще говоря, вполне естественным кажется одновременный выбор последнего варианта и одного из пяти предыдущих.

⁶ В аккуратно составленной анкете непременно должна присутствовать и альтернатива *Газет не читаю*, или же сам пункт анкеты должен быть переформулирован на *Если вы читаете газеты, то...* и его заполнение не должно быть обязательным.

На двуязычной территории, скажем в Татарии, может оказаться, что значительная часть респондентов, свободно владеющих русским и татарским языками, предпочитает знакомиться с международными и общероссийскими новостями из публикаций в центральной прессе (т. е. по-русски), а с новостями Татарстана — в местных газетах (и предпочитает татароязычную прессу). Однако среди этой группы окажутся не только те, кто в равной мере интересуется новостями двух типов, но также и такие, кто распределяет свое внимание между этими областями в соотношении 1 : 3 и, напротив, 3 : 1. Для “равномерно интересующихся” проблема выбора между вариантами ответов: *В одинаковой мере на русском и татарском и Зависит от содержания* — не стоит: они покажутся им равнозначными. Тем же, кто предпочитает получать из газеты один тип сведений и достаточно добросовестно отнесется к заполнению этого пункта, может захотеться выбрать два ответа одновременно. Остается только гадать, чем они будут руководствоваться при необходимости выбора одного варианта из предложенной исследователем альтернативы, но ясно, что интерпретация этого пункта анкеты натолкнется на определенные сложности.

Параллельно с разработкой анкеты решается вопрос выборки, о котором выше говорилось достаточно подробно. Несмотря на очевидную важность этой проблемы, в реальных социолингвистических исследованиях к ней часто подходят очень небрежно. Так, в ходе упомянутого выше изучения украинско-русского билингвизма выборка заметно отличается от генеральной совокупности даже по таким не составляющим особых проблем параметрам, как возраст и пол. По Украине возрасты 16–24, 25–44 и 45 и старше в 1989 г. соотносились как 16 : 36 : 48, в выборке (данные приведены лишь по Кировоградской обл.) средний возраст преобладал над старшим, и соотношение было 17 : 43 : 40. Еще заметнее диспропорция полов: по Украине численности мужчин и женщин в возрасте 16 лет и старше в 1989 г. соотносились как 44 : 56, в выборке (по Кировоградской обл.) — как 31 : 69.

Перейдем теперь к методике самого опроса.

Первое, на что следует обратить внимание, — это отношение респондента к опросу и опрашиваемому. Потенциальному респонденту могут быть неясны реальные цели анкетирования и причины, по которым он сам попал в вы-

борочную совокупность. Он может опасаться, что его участие в опросе или даваемые им конкретные ответы могут иметь нежелательные последствия лично для него. Это ведет к намеренному искажению ответов или даже к отказу от анкетирования. Такая реакция достаточно распространена при обследованиях языковой ситуации. Кроме того, индивидуальные характеристики интервьюера (пол, возраст, этническая принадлежность и т. п.) могут осложнить межличностное взаимодействие между ним и респондентом.

Влияние сходных факторов может сказаться и при других методах сбора информации (при наблюдении, устном интервьюировании), но при массовом анкетировании, задача которого — собрать представительную информацию по какому-либо социуму, их учет особенно важен. Если те, кто отказывается сотрудничать с исследователем, и те, кто осознанно идет на искажение информации, отличаются от “правдивых” респондентов какими-либо важными социальными характеристиками, то репрезентативность результатов исследования понижается. Общих рецептов, помогающих уменьшить воздействие этих “возмущающих факторов” на результаты исследования, предложить невозможно. Тут успех во многом определяется тактом интервьюера, его исследовательским и житейским опытом.

Заполнение анкет может проходить двумя способами: анкетированный либо сам заполняет бланк⁷, либо это делает с его слов интервьюер⁸. Надо иметь в виду, что при достаточно массовом анкетировании исследователь и интервьюер могут быть разными лицами. В этом случае очень важно, чтобы интервьюер имел специальную подготовку и его взгляд на изучаемую проблему не отличался от взгляда исследователя. Полезно иметь специальную инструкцию для интервьюера.

При несложно организованных анкетах часто используется один бланк на несколько респондентов, а получен-

⁷ Социологи используют даже рассылку анкет по почте; в социолингвистике достоверность этого метода сомнительна, поскольку процент возврата анкет невысок, социально-психологические характеристики тех, кому разосланы анкеты, и тех, кто ответил на них, могут сильно расходиться.

⁸ В социологии и социальной психологии такой опрос, когда анкета заполняется интервьюером, а значительная часть вопросов — открытые, иногда вообще не относят к анкетированию, а называют расписанным интервью.

ные от них данные вносятся в отдельные колонки. В таких обстоятельствах интервьюер должен быть уверен, что респондент не может видеть ранее собранной информации, поскольку она почти наверняка повлияет на содержание его собственных ответов. В любом случае необходимо следить, чтобы в анкете отражалась точка зрения самого респондента, чтобы он не имел возможности консультироваться с другими лицами. Если избежать этого не удастся, интервьюер должен каким-то образом отмечать неполную достоверность полученной информации.

Иногда к получению информации из вторых рук подталкивает сама анкета в сочетании с выборкой. Для упоминавшейся выше микропереписи 1994 г. респонденты выбирались без учета возраста (что, разумеется, верно, если иметь в виду получение чисто демографической информации), но в результате один из социолингвистически релевантных вопросов (сведения о языках, используемых теми, кто посещает “учебные заведения, дошкольные учреждения”) задавался впустую. В 1994 г. в составе этой категории доля посещавших ясли и детские сады составляла 22%; от этого “контингента” (да и от значительной части учащихся начальной школы) трудно ожидать адекватного понимания смысла вопроса об используемых языках, за них неизбежно отвечают родственники, которые в лучшем случае могут иметь по этому поводу лишь субъективное мнение, поскольку обычно не работают в соответствующих учреждениях и не могут достоверно знать, на каком языке там происходит общение. Этот же вопрос иллюстрирует и другое методическое упущение: без дополнительных комментариев неясно, что значит “пользоваться языком” в школе: это может быть язык неформального общения школьников друг с другом и/или педагогами, язык обучения и изучаемый язык. Опубликованные результаты показывают, что для разных народов этот вопрос понимался по-разному (подробнее см. в работе [Беликов 1999]).

Анкетированием рассмотренного выше типа выясняются мнения о языке и языках, но не сама языковая реальность. А может ли анкета помочь в деле объективного исследования этой самой реальности? Многие специалисты отвечают на поставленный вопрос отрицательно, поскольку, по их мнению, сама форма анкеты исключает возможность получения объективного материала: ведь мы обращаемся

непосредственно к языковому сознанию говорящего и получаем самооценку его речи (или оценку речи других).

И все же некоторые социолингвисты придумывают такие хитроумные анкеты, которые позволяют получать более или менее надежный языковой материал, свидетельствующий о том, как люди используют язык (а не только о том, что они об этом языке думают). Естественно, такие анкеты существенно отличаются от тех, что мы рассматривали выше.

Первое отличие чисто внешнее. Анкеты, нацеленные на выяснение деталей языковой ситуации, похожи на традиционные анкеты социологов; число содержащихся в них вопросов относительно невелико (анкета, посвященная украинско-русскому двуязычию, содержит 22 пункта, причем первые 11, составляя паспортный блок, предназначены для выявления социальных характеристик информантов). В тех анкетах, что предназначены для выявления языкового варьирования, вслед за вопросами паспортного блока идут десятки вопросов, часто однотипно устроенных. В русистике такие анкеты обычно называют *вопросниками*.

Их значительный объем объясняется несколькими причинами. Во-первых, организация распространения и сбора заполненных вопросников — дело трудоемкое, и целесообразно сразу спросить о многом, например, не об одном-двух фонетических вариантах, а об их рядах, сериях, реализующихся в разных контекстных условиях. Во-вторых, данные о случайно выбранных языковых единицах не дают правильного представления о месте этих единиц в системе им подобных. В-третьих, об одном и том же факте надо спросить в разной форме, используя разнообразные приемы (это повышает надежность получаемых ответов): прямой вопрос, предложение выбрать один вариант ответа из многих, заполнить специально сделанные пропуски букв в предложениях, словоформ в парадигмах и т. п.

Покажем это на примере “Вопросника по произношению”, составленного М. В. Пановым [Вопросник... 1960].

“Вопросник” построен по такой схеме: I — социологическая анкета, включающая перечень “лингвистически значимых” социальных признаков (т. е. таких, которые могут влиять на выбор того или иного произносительного варианта): возраст, пол, уровень образования, знание иностранных языков, род занятий (профессия), место рождения и место наиболее длительного жительства и некоторые другие;

II — лингвистическая часть, или собственно вопросник, содержащий несколько десятков вопросов о произносительных вариантах, характерных для современного русского литературного языка.

Для того чтобы проверить устойчивость ответов заполняющего вопросник, об одних и тех же явлениях спрашивается по-разному, например:

- (а) “Как Вы произносите: з(ь)верь или з(ь)верь (*зверь*)? _____”
 (б) “Сравните: зверь — звать.

В каком слове Вы произносите “з” мягче? (Подчеркните это слово; если же разницы в произношении “з” нет, то подчеркните оба слова)”.

Вопросы (а) и (б) расположены в “Вопроснике” достаточно далеко друг от друга (под номерами 25 и 39 соответственно), так что их влияние друг на друга минимально.

В социолингвистических вопросниках могут использоваться отвлекающие задания. Так, в вопроснике по русской морфологии [Вопросник... 1963а], авторы которого в методике его составления следовали за “Вопросником по произношению”, отвечающего просили заполнять не только те пропуски в тексте, которые интересуют исследователя, но и пропуски, не предполагающие никакой морфологической вариативности:

Мы выпили три стакан... молока и две чашки ча... (варианты возможны только в последней словоформе: *чая / чаю*, но не в словоформе *стакана*);

В этом собрании... участвовали представители разных профессий: врачи, фармацевт..., бухгалтер..., учител..., инженер..., кондуктор..., железнодорожник...

(Очевидно, что вариативность флексии возможна лишь в некоторых из перечисленных здесь форм множественного числа существительных, включая и такую вариативность, которая запрещается литературной нормой: *бухгалтеры / бухгалтеря, инженеры / инженеря, кондукторы / кондукторя*.)

В вопросах об акцентных вариантах (типа *звонишь / звонийшь, два шага / два шдга* и др.) отвечающий должен был расставить ударения не в отдельных словах, допускающих вариантную акцентовку, а во всех словоформах предложений, так что подлинная цель задания оставалась для него не вполне ясной.

Эти и другие отвлекающие приемы служат большей объективности материала вопросников, уменьшая влияние субъективных намерений информанта.

Как бы тщательно ни подходили исследователи к формулировкам вопросов, часть заполненных анкет может оказаться дефектной. При сплошном обследовании генеральной совокупности в обработку идут все анкеты; так в итоговых материалах переписей появляются данные о не указавших пол, возраст и т. п. При выборочных опросах респондентов немного, и внимательность интервьюера помогает свести число дефектных анкет к минимуму. При заочном анкетировании (когда респондент заполняет анкету самостоятельно) среди возвращенных анкет всегда находятся такие, где не освещены важные для исследования вопросы или содержатся явные противоречия. В практике социолингвистических опросов нередки случаи, когда в одном пункте анкеты респондент отмечает, что не владеет языком А, а в другом — что предпочитает читать на нем книги, или сообщает, что получил среднее образование на языке А, хотя известно, что этот язык перестал использоваться как язык обучения в год рождения респондента. Если анкетирование производится интервьюером, то такие недостатки находятся на его совести⁹, но при массовых опросах они неизбежны. При хорошо организованном анкетировании это принимается во внимание заранее: в упомянутом выше обследовании сибирских народов специально спрашивали такое количество респондентов, которое “несколько превышало нужное для выборки число, чем обеспечивалась возможность выбраковки дефектного анкетного материала” [Аврурин 1975: 254].

Если доля выявленных в ходе первичной обработки дефектных анкет достаточно высока, уже нельзя ограничиваться выбраковкой отдельных анкет, под вопросом оказывается достоверность всего обследования в целом, и следует искать серьезный методический порок либо в формулировках вопросов, либо в порядке анкетирования.

В некоторых случаях дефектность определенного процента анкет неизбежна; так обстоит дело, если респондент

⁹ В социологической практике применяется даже повторное контрольное анкетирование части респондентов с целью выявить неквалифицированных интервьюеров.

по каким-либо пунктам не может дать объективной информации. Это особенно характерно для опросов, выявляющих языковую вариативность, поскольку не каждый человек обращает внимание на собственную речь, “слышит” свое произношение. Чтобы сразу выявить таких “неподходящих” информантов, в анкеты включаются специальные контрольные вопросы.

Так, большая часть пунктов “Вопросника по произношению” предполагала реальную возможность выбора того или иного фонетического варианта, но начинался вопросник несколькими контрольными вопросами, на которые возможен только один правильный ответ, подтверждающий соответствие произносительных навыков респондента современной литературной норме; например:

- Мягко или твердо Вы произносите звук “с” в слове *трость*?
Мягко. Твердо. (Нужное подчеркните);
- Какой гласный в Вашем произношении больше похож на “а”: в первом слове слова *ходить* или в первом слове слова *ходуном*? (подчеркните то слово, где первый гласный больше похож на “а”);
- Что Вы произносите на месте предлога “С” в сочетаниях *с Женей*, *с жаром*?
- Как Вы произносите (подчеркните):
пОшел или *пАшел*?
тОпор или *тАпор*?
пОром (на реке) или *пАром*?
рОсказ или *рАсказ*?

Цель контрольных вопросов — проверить, правильно ли оценивает собственную речь говорящий и не является ли он носителем диалектных речевых черт. Если человек, заполняющий вопросник, давал такие ответы: мягко произношу “с” в слове *трость*, в произношении слова *ходить* первый гласный больше похож на “а”, чем в слове *ходуном*, в сочетаниях *с Женей* и *с жаром* произношу “ж” или “з”, и, наконец, в последнем перечне отвечающий подчеркивал слова в правой колонке, — то его ответы на остальные пункты вопросника использовались для дальнейшего анализа. Иные ответы свидетельствуют о том, что человек “не слышит” своей речи или же для него характерны такие речевые особенности, которые не являются литературными (например, оканье: *пОшел*, *тОпор* и т. п.). Ответы таких инфор-

мантов к анализу не привлекались, выбраковывались из общей массы заполненных вопросников.

Как инструмент получения социолингвистического материала вопросники описанного типа таят в себе “психологическую опасность”: ответы на содержащиеся в них вопросы могут отражать не социальные различия носителей языка, а разницу в их психологии. Одни легко контролируют свою речь и поэтому отвечают в близком соответствии с тем, как они действительно используют язык; других, напротив, сама форма вопросника повергает в недоумение, и смещение ответов в этом случае неизбежно; третьи стараются отвечать не так, как они говорят, а как “правильно”, “лучше” и т. д.

Психологическая опасность в значительной мере устраняется гибкой методикой составления вопросников (формулирование вопросов, их порядок, система “перекрестных”, контрольных, отвлекающих вопросов и т. д.) и при условии большого числа опрошенных: массовый характер ответов как бы усредняет расхождения, обусловленные психологическими различиями информантов.

Однако надо признать, что при всей изощренности методики, с помощью которой составляются социолингвистические анкеты и вопросники, вероятность того, что ученые получают данные лишь о мнени я х информантов по поводу их собственных речевых привычек (а не о реальном соотношении тех или иных языковых вариантов), сохраняется.

Уменьшить эту вероятность помогают т е с т ы.

5.2.5. Тесты

Тесты представляют собой разнообразные по форме задания, которые исследователь предлагает информантам. Это могут быть списки слов, которые надо прочитать перед микрофоном, или связный текст, также читаемый информантом вслух; письменные задания на восстановление пропущенных фрагментов текста; ответы на устные вопросы исследователя, задаваемые в определенном временном режиме, и т. п.

Как правило, цель подобных тестов сообщается информанту в самом общем виде; детали того, что собирается узнать с помощью этих тестов исследователь, остаются ему неизвестны. И это понятно: исследователь заинтересован в

том, чтобы получить объективные данные о речевых навыках информанта, а сделать это можно, если условия тестирования будут такими, при которых, выполняя тест, информант сможет мобилизовать свое владение языком, в значительной мере автоматизированное, бессознательное, а не оценки собственной речи (как это имеет место при ответе, по крайней мере, на некоторые пункты социолингвистических вопросников).

Например, данные, полученные путем распространения описанного выше “Вопросника по произношению”, проверялись с помощью специального “фонетического” текста, составленного М. В. Пановым. При создании этого текста его автор стремился к максимальной непринужденности стиля, предполагая, что в этом случае и от чтеца потребуется непринужденность в его воспроизведении. Кроме того, было важно, чтобы текст состоял не из разобренных фраз, а представлял собой “слитный, последовательный рассказ: рассыпанные фразы заставляют информанта разгадывать, зачем дана каждая фраза, что именно проверяется. Такие разгадки, правильные и неправильные, могут приводить к искусственному чтению отдельных слов” [Панов 1966: 174]. В результате многократных переработок и дополнений появился сюжетно организованный текст (рассказ о геологической экспедиции), в котором две трети слов “несут орфоэпическую нагрузку” [Там же], т. е. содержат вариативные фонетические явления.

Приведем отрывок из обсуждаемого текста.

Было уже поздно, когда мы въехали в село Архангельское. Здесь нас ожидал проводник экспедиции — Петр Антонович, бывший лесник и лесной объездчик. Ему известна вся окружающая местность чуть не на тысячу верст, а уж на 600—700 — это наверняка! Теперь он на пенсии; скучно ему без дела, а силы-то еще есть: вот он и взялся вести нашу экспедицию. Невестка его, словоохотливая и приветливая женщина, явно гордится своим деверем¹⁰. Она так и заявила: он-де может быть у вас даже главным жоаком, то есть, очевидно, руководителем экспедиции. Антонович и на самом деле мастер на все руки, все делает, что его ни попросят. А с виду неказист: тщедушный, костлявый, в изодранной шапчонке. Помощник проводника — Матвей, рыжий веснушчатый верзила, и при-

¹⁰ В текст намеренно — чтобы вызвать реакцию информантов — включено неправильное употребление слова *деверь* (*деверь* — это брат мужа, здесь же это слово употреблено в значении ‘свёкор’).

хвастнуть любитель, и лентяй, каких поискать. А в нашу группу он принят, потому что отличный наездник: день-деньской готов он гарцевать на своем лихом скакуне. А уж спорщик завзятый: вечно они с Антоновичем спорят и ссорятся. Иногда ясней ясного, что Матвей неправ, а он все-таки стоит на своем.

Все гласные русского литературного языка даны в этом тексте во всех возможных позициях и по отношению к ударению, и по отношению к соседним согласным (твердым и мягким). Представлены слова, содержащие фонему <a> после [ж], [ш] в первом предударном слоге (*вожаком, шапчонке* и др.), слова, в которых есть сочетание твердого согласного перед мягким (*здесь, лесник, пенсии* и др. — первый согласный может произноситься как мягко, приобретая ассимилятивное смягчение от соседнего мягкого, так и твердо, “не заражаясь” мягкостью соседа), слова с непроносимыми согласными (*объездчик, поздно, известна* и др.) и многие другие, реализующие те или иные вариативные фонетические явления (подробный комментарий этого текста и сам текст полностью см. в статье [Панов 1966]).

В социофонетических исследованиях используются также и иные тесты: чтение вслух списков слов, содержащих фонетические явления, которые изучает исследователь, разрозненных фраз, включающих изучаемые слова, чтение “про себя” и последующий пересказ (в этом случае стараются избавиться от влияния на произношение орфографического облика слова) небольших сюжетно организованных текстов и многое другое.

Метод тестирования широко применяется при исследовании двуязычия и, в частности, уровня владения вторым (неродным для данного информанта) языком. Часто исследователь предлагает информантам анкету, содержащую вопросы о сферах, в которых информант использует второй язык, о видах речевой деятельности — чтение, письмо, устное общение, для которых актуально применение второго языка, и т. п. Чтобы проверить, насколько объективно отражен в анкете характер владения вторым языком, информанту предлагаются тесты: чтение некоего текста на этом языке, прослушивание и пересказ магнитофонной записи на нем же, сочинение на определенную тему, задание найти ошибки в тексте на втором языке и т. п.

5.3. Обработка и представление статистических результатов

Обработка статистических данных ведется с целью выявления объективно существующих закономерностей. Прежде чем перейти к анализу какой-либо социолингвистической переменной, следует очертить круг лиц, для которых ее значение релевантно. Так, вопрос о предпочтении того или иного языка, на котором издается пресса, целесообразно разрабатывать только в отношении тех лиц, кто читает газеты. Доля последних в выборочной совокупности определяется не только индивидуальными психологическими особенностями, но и доступностью прессы (а по отдельным регионам она сильно различается), а также общегосударственной или региональной социально-политической и культурной обстановкой в момент опроса¹¹. Мнения школьников по поводу преподавания языка или использования его как средства обучения могут представлять определенный интерес, но очевидные привходящие субъективные факторы требуют отдельного анализа ответов этой группы респондентов. Нередко круг лиц, относительно которых следует разрабатывать определенную социолингвистическую переменную, выявляется только в результате анализа анкеты.

Вот один пример. Опрос всех жителей практически полностью двуязычной литовско-русской деревни Дегучяй (245 человек, из них 62% литовцы, 34% русские), проведенный в начале 1970-х годов, показал, что 96% из них смотрели фильмы на обоих языках, в то же время книги на втором языке читали лишь 22% из тех, кто пользовался библиотекой [Михальченко 1975: 286–299]. При поверхностном анализе из этого могли бы быть сделаны какие-то выводы относительно предпочтений языка художественной литературы, однако выясняется, что письменной формой второго языка владели 93% лиц в возрасте 19–30 лет и лишь 4% лиц старше 51 года (возрастное распределение читателей мест-

¹¹ Напомним, что в конце 1980-х годов интерес российского общества к средствам массовой информации временами поднимался до такой степени, что в общественном транспорте нередко можно было встретить лиц, слушающих радиотрансляции с заседаний Верховного Совета, Съезда народных депутатов и тому подобных мероприятий (естественно, на русском языке).

ной библиотеки в публикации не указано). Вывод ясен: читающих на обоих языках мало в первую очередь потому, что представители старших когорт грамотны лишь на родном языке.

По каждому разрабатываемому вопросу важно четко различать *отсутствие явления, неприменимость вопроса к какой-либо категории респондентов, отсутствие данных* (например, ввиду неполного заполнения вопросника) и, конечно, не смешивать эти данные с ответами тех, кто в явном виде затруднился ответить. Учитывая эти факторы, исследователь приступает к обработке результатов по каждому вопросу анкеты.

В статистике способ упорядочения информации называется *измерением*. В процессе измерения ряду социолингвистических фактов ставится в соответствие некоторое множество чисел. Данные могут измеряться с различным уровнем точности.

Номинальная шкала лишь классифицирует данные, указывает, к какой группе они принадлежат: значениям “мужской пол”–“женский пол” или ответам типа “да”–“нет” могут быть присвоены как значения 0–1, так и значения 1–0 или 2–1, за числами не скрывается ничего, кроме разнесения данных по определенным категориям. Номинальная шкала может быть и многозначной – таковы, например, данные о языке, на котором получено образование.

При *порядковой шкале* данные получают числовую оценку, которая указывает лишь на их иерархию, порядок следования, но о количественном значении признака говорит лишь очень условно. Например, шкале ответов типа *Только А – Чаще А – А и Б – Чаще Б – Только Б* может быть сопоставлен числовой ряд 1 – 2 – 3 – 4 – 5, но это не означает, что различие в оценках 1 и 2 (*Только А* и *Чаще А*) в точности таково же, как и между оценками 3 и 4 (*А и Б* и *Чаще Б*). Неравномерность порядковой шкалы не мешает ее использованию в социолингвистике. Вот, например, как выглядит шестибальная шкала степени владения языком: 1 – свободно говорит на языке и предпочитает этот язык всем остальным; 2 – свободно говорит на языке, но предпочитает какой-либо другой язык; 3 – говорит на языке, однако старшие замечают в его речи ошибки; 4 – хорошо понимает речь, но сам способен произнести лишь десяток обиходных фраз; 5 – понимает общий смысл сказанного,

говорить не может совершенно; 6 — не знает языка [Вахтин 1984: 70–71]. Несмотря на свою “импрессионистичность”, эта шкала служит хорошим инструментом при описании языковой ситуации. Вот какие результаты по степени владения эскимосским и русским языками получил Н. Б. Вахтин при обследовании эскимосов, живших в 1984 г. в пос. Сиреники (по итогам интервью, опросов, наблюдений баллы были выставлены всем жителям поселка, а затем усреднены для каждой возрастной когорты) — табл. 3:

Таблица 3

Владение языком	Возраст говорящих					
	старше 60	51–60	41–50	31–40	21–30	11–20
Эскимосским	1,0	1,2	1,8	2,9	4,2	5,1
Русским	4,5	2,4	1,7	1,0	1,0	1,0

Эти данные очень наглядно и вполне объективно иллюстрируют темпы вымирания эскимосского языка.

На шкале, которая называется *интервальной*, величины отражают равные единицы измерения и могут сопоставляться не только по упорядоченности, но и по расстоянию. В действительности в применении к большинству социолингвистических (и социологических) измерений точнее будет говорить о примерном равенстве расстояний между единицами шкалы. Примером использования интервальной шкалы в социолингвистике является известная работа У. Лабова о централизации дифтонга /aw/ у носителей американского варианта английского языка, живущих на о. Мартас-Виньярд [Лабов 1975а: 206–213]: “архаичной” реализации [au] был присвоен балл 0, наиболее центрированной [əu] — 3; баллы 1 и 2 получили промежуточные варианты произнесения центрального гласного дифтонга. Информантам предлагались списки слов, где дифтонг находился в разных позициях: перед глухим шумным (как в *out*), перед звонким (как в *found*), в абсолютном исходе (как в *now*). Для каждого из 69 информантов в результате усреднения числовых значений, приписанных каждому произнесению слова из списка, был подсчитан показатель централизации. У отдельных индивидов он колеблется от 0,10 до 2,11, при этом наблюдается отчетливая связь с возрастом информанта. Средние показатели в пределах 15-летних когорт таковы (табл. 4):

Таблица 4

	Возраст говорящих			
	31–45	46–60	61–75	Более 75
Показатель централизации дифтонга /aw/	0,88	0,44	0,37	0,22

Интервальные шкалы разделены на равные расстояния, но сама единица измерения имеет довольно условный характер, она не существует вне процесса измерения. Так, в описанном исследовании Лабова степени централизации дифтонга можно было бы измерять не от 0 до 3, а от 1 до 3, или достаточно произвольным образом менять масштаб измерения, введя не четыре позиции, а пять или шесть¹². В том случае, если единица измерения получает четкую наглядную интерпретацию, говорят о *количественной* шкале. Такими шкалами измеряется, например, возраст (нет нужды пояснять, что единицы в таком случае вполне реальны) или число испытуемых. Социолингвистика широко пользуется этим типом измерения при описании подходящих характеристик населения, хотя выявляемые в ходе описания переменные пока не удавалось привязать к количественным шкалам.

Приведенные примеры иллюстрируют такое важное понятие, как *зависимость* двух переменных: одна из них (и у Вахтина, и у Лабова — возраст) *независимая* и обуславливает степень выраженности второй, *зависимой* переменной (владение языками, степень централизации дифтонга). Фактически часто наблюдается взаимодействие переменных — когда две или более независимых переменных воздействуют на зависимую. В цитированной работе У. Лабов специально стремился к социальной однородности информантов: “Все это янки, принадлежащие к числу исконных поселенцев острова; все они связаны различными родственными отношениями, многие принадлежат к одной семье; все одинаково относятся к своему острову. Все они получили деревенское воспитание и все, за одним ис-

¹² Как указывает У. Лабов, “в первоначальном прикидочном наброске шкалы различалось шесть уровней. Измерения с помощью акустической аппаратуры показали, что достаточно хорошее соответствие с формантным анализом достигается при сведении числа уровней к четырем” [Лабов 1975: 207].

ключением, были плотниками или рыбаками” [Лабов 1975: 210].

Зависимость переменных иначе называют корреляцией. Корреляция может быть *положительной* (переменные возрастают или убывают одновременно) или *отрицательной*, когда они изменяются в разных направлениях. Так, у эскимосов наблюдается положительная корреляция возраста с уровнем владения этническим языком (т. е. чем старше человек, тем выше его уровень владения этническим языком) и отрицательная — по владению русским: чем старше человек, тем ниже его уровень владения русским языком. (Тут мы еще раз убеждаемся в условности единиц при неколичественном измерении: степень владения языком тем выше, чем ниже ее числовое выражение.) О корреляции говорят и при номинальных измерениях: так, уровень двуязычия часто коррелирует с полом (билингвов больше среди мужчин) или с родом занятий (билингвов больше среди торговцев, чем среди крестьян).

Наличие корреляции не обязательно говорит о причинно-следственной связи: оба сопоставляемых показателя могут зависеть от третьего или быть связаны с ним не вполне тривиальным образом. Только что упомянутые половые различия в знании языков связаны, разумеется, не с физиологическими различиями полов, а с половыми стереотипами поведения, которые, по этнографическим данным, не обладают универсальностью. Показатель пола в данном случае является всего лишь удобным ярлыком для обозначения трудноформализуемых сложных поведенческих комплексов.

Другой пример — связь языка, которым пользуются в быту и в рабочем коллективе, с национальностью коммуникантов. Выбор языка общения определяется языковым репертуаром контактирующих индивидов, в частности их родными языками (и массой других факторов, о которых в соответствующем месте говорилось достаточно подробно). Взаимосвязь этнической идентификации и родного языка очевидна, но их корреляция может быть устроена сложно. При обработке результатов обследования использование языков надо связывать не с национальностью, а с родными языками респондентов. На практике это делается далеко не всегда.

Вернемся к результатам микропереписи населения России 1994 г., показывающим, какой язык (этнический

или русский) используется представителями разных народов в различных ситуациях в пересчете на 1000 человек. Для большинства народов русский и этнический языки в сумме дают цифру, близкую к 1000; “третьим” языком среди 1000 татар дома пользуются 4 человека, на работе — 2, среди украинцев — 1 и 1, среди немцев — 1 и 0, среди аварцев — 13 и 2, среди даргинцев — 6 и 4, среди ингушей — 8 и 1, среди тувинцев и калмыков — 0 и 0, среди карачаевцев — 1 и 0 и т. д. Однако для некоторых народов число использующих “третий” язык довольно велико. Вот каковы данные микропереписи (табл. 5):

Таблица 5

	Язык, используемый дома			Язык, используемый на работе		
	этнический	русский	другой	этнический	русский	другой
Башкиры	558	289	153	255	663	82
Эвенки	61	288	651	7	374	619
Эвены	201	473	326	188	567	245
Юкагиры	0	655	345	0	727	273

Вполне очевидно, что причины использования “третьего” языка во всех этих случаях связаны с хорошо известными процессами языковой ассимиляции, и у башкир этот другой язык — татарский, а у трех остальных народов — якутский. Картина была бы более объективной, если бы разработка велась по двум направлениям: родной язык в зависимости от национальности и языка коммуникации в зависимости от родного языка (понятие *родной язык*, конечно, надо было пояснить).

Взаимозависимость переменных представляется в табличном или графическом виде. Графическим представлением служит либо собственно график зависимости, когда по осям координат располагаются числовые значения сопряженных переменных, либо диаграмма. Почти всегда исходной является табличная форма. Она может быть использована и при представлении данных, но важнейшее ее назначение — быть инструментом анализа, помочь структурировать полученные данные, яснее понять выявляемые закономерности. Графическое представление табличной информации может быть решено по-разному, чаще всего — в виде столбчатых диаграмм, отражающих соотносимые величины линейно, или в виде круговых диаграмм (гистограмм), раз-

деленных на пропорциональные соответствующим величинам сектора.

Конечной задачей социолингвистического исследования является обнародование полученных выводов. Форма их подачи во многом зависит от того, кому адресована публикация. Если публикация рассчитана на массового читателя, предпочтение отдается наглядным диаграммам. Профессионала же интересуют более точные и детализированные сведения, которые легче получить при табличном представлении результатов. Читатель-специалист оценивает не только выводы, но и надежность тех исходных данных, на которых они базируются. Задача публикатора — убедить в достоверности и показателности собранного материала и аргументировать выводы. А для этого полезно эксплицировать обоснованность выборки, методику сбора и обработки той первичной информации, на анализе которой строятся выводы; перестараться здесь невозможно¹³. Важно иметь в виду, что существенная часть социолингвистических исследований строится на сопоставлении ранее опубликованных результатов, а сама возможность сопоставления результатов, полученных разными авторами, зависит от степени сходства использовавшихся методик.

5.4. Анализ письменных источников

При решении большинства социолингвистических задач важное значение имеет метод анализа письменных источников. Письменные источники можно условно разделить на первичные и вторичные. В первую категорию попадают документы, фиксирующие речевые произведения, авторам которых могут быть приписаны какие-либо социаль-

¹³ Показательно, что в японской социолингвистической монографии, посвященной функционированию форм вежливости, «описание методов опроса информантов и критериев их отбора занимает больше половины объема» [Алпатов 1988: 98]. Отечественные социологи, изучавшие в 1992–1995 гг. межнациональные отношения, также детально описывают задачу исследования и методический инструментарий [Россия 1996: 21–32], а в отношении организации выборки находят целесообразным указать все изменения, происходящие при ежегодных обследованиях: если в 1992 г. применялась квотная пропорциональная выборка со связанными параметрами *род занятий и национальность*, то в 1994 г. в число связанных параметров был включен *пол*, а в 1995 г. — *возраст*.

ные характеристики, во вторую — исследовательские работы, материалом для которых служили первичные источники. Сюда попадают не только собственно социолингвистические работы предшественников — первичный материал мог анализироваться при решении задач, далеких от лингвистики. Данные, полученные от респондентов, обычно одновременны с исследованием (хотя запрета на вопросы о языковых фактах в прошлом не существует), письменные же источники дают возможность получить документальные свидетельства о предшествующих состояниях языка.

Остановимся сначала на первичных источниках. Социолингвистически значимые данные можно почерпнуть из письменных текстов различной стилистической и жанровой принадлежности. Например, изучение служебных документов, межведомственной переписки, разного рода инструкций, постановлений, актов и т. п. дает материал, позволяющий составить представление об официально-деловой стилистической разновидности языка на данном этапе его развития, о своеобразии реализации этой разновидности в многообразных жанрах (от заявления об отпуске до президентского указа).

В этом многообразии особое место занимает так называемый чиновничий жаргон, который, как считал К. Чуковский, создан «специально затем, чтобы прикрывать наплевательское отношение к судьбам людей и вещей» [Чуковский 1982: 172]. Иногда общество и даже власть протестуют против этих свойств чиновничьего языка, побуждая государственных служащих выражаться ясно и просто, о чем свидетельствует, например, следующее сообщение. «Администрация США всерьез взялась за вопросы языкознания. Белый дом направил во все правительственные учреждения строгое распоряжение, требуя, чтобы все исходящие документы, прежде всего предназначенные для публикации, были написаны простым и ясным языком, в коротких предложениях и без привычных чиновникам бюрократических терминов и оборотов. Распоряжение вступает в силу с октября. Надо же дать бюрократам, привыкшим общаться между собой на им одним понятном жаргоне, время на то, чтобы вспомнить, как говорят между собой простые граждане. В верхних эшелонах вашингтонской власти справедливо считают, что бюрократический «волапюк» официальных документов воздвигает трудноодолимый барьер между прави-

тельством и населением» [“Известия”, 1998. 9 июня]. Характерна концовка этого сообщения: “Однако даже две странички упомянутого распоряжения Белого дома грешат туманными и невнятными формулировками, которые могут правильно истолковать разве что опытные юристы”.

Интересные результаты может дать исследование с социолингвистической точки зрения дипломатических документов — договоров, нот, меморандумов, коммюнике и т. п., которые отражают в себе не только лингвистическое своеобразие способов языкового выражения, но и определенные политические и идеологические установки, также облакаемые в специфические обороты, формулы, синтаксические конструкции. При этом каждая эпоха оставляет свои следы в языке дипломатии. Если, например, сравнить русские дипломатические документы советского времени и самого конца XX в., то в первых бросается в глаза их открытая идеологизированность (ср., например, речи А. Я. Вышинского и А. А. Громыко на заседаниях ООН, ноты протеста, в изобилии направлявшиеся советским правительством правительствам других государств), тогда как в дипломатических текстах последнего времени преобладают нормы использования языковых средств, в большей степени соответствующие международным стандартам.

Язык средств массовой информации также дает пищу для размышлений о социальных различиях в позиции авторов, принадлежащих к кругам общества, разным по своей политической ориентации и ценностным установкам. Например, в демократически настроенной российской прессе 90-х годов XX в. отчетливо проявляется тенденция к увеличению спектра языковых средств, в частности к широкому включению в газетный текст разговорных, просторечных, жаргонных слов и выражений; в молодежных газетах поощряется сознательное обыгрывание слова, языковое ёрничанье, намеренные переделки слов и окказиональные неологизмы (*слухмейкеры, ресторанмен, музей войсковых фигур, переселение в душ* и т. п.). “Левая” пресса активно использует архаическую лексику (*вече, соборность* и т. п.) как средство политической демагогии.

Богатый материал для социолингвистического анализа языка предоставляет “неформальная” литература: в недавнем прошлом — “самиздат”, не подвергавшийся редакторской правке, “Хроника текущих событий”, сборники публи-

цистических текстов, направленных против существующего строя, и менее политизированная, а то и просто бытовая литература — вроде сборников самодеятельных песен, анекдотов, частушек, присловий (иногда имеющих авторство — ср. одностишия В. Вишневского, “гарики” И. Губермана и др.).

Существование в течение нескольких десятилетий тоталитарного режима и соответствующей идеологии не только на территории России и бывших советских республик, но и в странах Восточной Европы способствовало формированию особого “тоталитарного языка” — со своей лексикой, специфическими оборотами, особым синтаксисом. В недрах тоталитарного строя рождалось и сопротивление этому языку или, по крайней мере, неприятие его в виде “языковой самообороны”, пародирующей, намеренно искажающей расхожие штампы коммунистической пропаганды: “Ответим на красный террор белой горячкой!”, “Товарищи ракетчики! Наша цель — коммунизм!”, “Пролетарии всех стран, извините!” и т. п. (ср. об этом [Вежбицка 1993; Купина 1995]). Характерно, что приемы переделок слов и расхожих штампов, языкового ёрничанья использует и “левая” пресса, оппозиционная правительству: *дерьмократы, чубаучер* (из сложения фамилии *Чубайс* и слова *ваучер*), *прихватизация* и пр. (ср. [Какорина 1996]).

Малоисследованным в современной социолингвистике остается язык частной переписки, дневниковых записей “среднестатистических” носителей языка (не писателей, не политиков, не общественных деятелей и др.). Между тем он представляет особый интерес как с точки зрения социального своеобразия речевых форм в определенной человеческой среде, так и с точки зрения новых тенденций, “точек роста”, которые обнаруживаются раньше всего в речи, не скованной нормативными рекомендациями и запретами. В этом отношении примечателен жанр “наивного письма”, воплощенный, например, в публикации писем и повседневных записок малограмотной женщины Е. Г. Киселевой, которая «пишет, как слышит, с массой “ошибок”, не подозревая, как надо» [Козлова, Сандомирская 1996]. Лингвистическая и культурная ценность этого издания в том, что публикаторы сохранили все особенности текстов Е. Г. Киселевой, не подвергая их правке и “переводу” на литературный язык.

Социолингвисту интересен именно оригинальный, нетронутый литературной правкой текст, принадлежащий

обычному, “не отягощенному” филологическим образованием человеку. Такой текст дает представление о подлинном функционировании языка в той или иной социальной среде. Однако частные письма, бытовые записки и заметки (“для себя” или для членов семьи) и другие тексты личной сферы человека труднодоступны для анализа: эти тексты мало кто сохраняет, а сохранив, неохотно раскрывает перед посторонним человеком (а именно таким посторонним и является исследователь) перипетии личных отношений и мелочи семейной жизни.

Первичные источники не обязательно бывают письменными. Важные сведения об эволюции фонетической нормы можно получить из документальной фиксации звучащей речи. Сейчас с экрана телевизора довольно часто звучат хроникальные записи 1930-х годов. На слух современного носителя русского литературного произношения многое в них выглядит странно — например, сохранение неударного [o] в тех заимствованиях, которые сейчас кажутся давно освоенными (типа *м[о]дель*). Такой материал еще мало освоен историками литературной нормы. Из фоноархивов можно получить данные и об относительно непринужденной речи — как современной, так и недавнего прошлого (интервью и другого рода документальные записи).

Полезная для социолингвистических исследований информация содержится не только в первичных документах, но и в материалах переписей, различных справочниках, научных работах предшественников. Среди неопубликованных архивных материалов можно найти фактические данные, полученные в ходе различного рода опросов — как прошлых, так и современных; в последние годы стал возможен доступ к их электронным версиям. Повторное вовлечение подобных сведений в научный оборот может быть полезным при решении многих социолингвистических задач. Основной проблемой при таком вторичном анализе документов является их достоверность.

Говоря о достоверности данных, социологи противопоставляют их *надежность* (reliability) и *валидность* (validity). Надежность определяется соответствием повторных измерений исходным. Валидность же — это степень соответствия измеренного тому, что предполагалось измерить. Выше много говорилось о том, что респондент может неправильно понимать вопрос и даже намеренно исказить информа-

цию; повторный опрос может дать результаты, идентичные полученным ранее, — следовательно, данные надежны, но их валидность может оказаться сомнительной. Оценка валидности собственных результатов лежит на совести исследователя, но при методической безграмотности он может добросовестно заблуждаться, как, вероятно, обстоит дело с организаторами последней советской переписи, обнаружившими 324 человека, для которых родным является давно мертвый чуванский язык (см. разд. 3.3).

К решению вопроса о достоверности при вторичном документальном анализе следует подходить со всей тщательностью. При использовании чужих материалов исследователю легко ошибиться в определении того, что реально измерялось предшественниками. Классическим примером неверной интерпретации является использование социолингвистами данных переписей СССР при определении уровня двуязычия. Начиная с 1970 г. в переписном листе опрашиваемый наряду с *родным языком* должен был указать *другой язык народов СССР, которым свободно владеет*. Разработка этого вопроса ведется по русскому языку, этническому языку опрашиваемого (если он указал родным не этнический язык), а в национальных автономиях также по титульному языку. Полученные данные вполне валидны в отношении заданного вопроса, но, как много раз указывалось выше, они заметно занижают степень двуязычия, поскольку предлагается указать лишь один язык, при этом собственный этнический язык часто указать нельзя (например, немцам, полякам, болгарам, поскольку их языки не входят в число “языков народов СССР”).

Любые статистические материалы предшественников следует специально анализировать на предмет их валидности для данного исследования: ведь собирались они для других целей и не всегда так, как этого хотел бы исследователь; поэтому методика предшественников интересует его не менее, чем фактический материал.

К официальной статистике следует подходить с осторожностью не только по причине ее возможной невалидности. Она может отличаться неполнотой и тенденциозностью (например, в ходе межвоенных переписей в Польше этническая принадлежность определялась вероисповеданием и всякий католик считался поляком). О “подводных камнях” отечественной этнодемографической статистики подробнее см. [Беликов 1997].

5.5. Массовые обследования говорящих

Некоторые из описанных выше методов и приемов сбора конкретного языкового материала применяются в массовых обследованиях говорящих. Такие обследования предпринимаются для того, чтобы выяснить, каково реальное функционирование данного языка (или каких-либо его подсистем) в данном обществе. Естественно, это нельзя сделать, опираясь на единичные или случайные наблюдения, — необходим массовый материал, обладающий некоторой статистической надежностью. Однако массовые обследования, как это давно и хорошо известно социологам, сопряжены со многими организационными, финансовыми и методическими трудностями: для работы с сотнями информантов нужен немалый штат сотрудников (которым надо платить деньги), отбор информантов должен осуществляться по определенным критериям, а их обследование с помощью достаточно сложных анкет и объемистых вопросников (подобных тем, примеры которых приводились выше) и других методических приемов желательно проводить в присутствии и при разъяснительной помощи специально обученных интервьюеров. Собранный материал нуждается в фильтрации, в частности в выбраковке и отсеивании тех ответов, которые не удовлетворяют заранее сформулированным критериям (ср. ответы на контрольные вопросы в “Вопроснике по произношению”, которые рассматривались нами в разд. 5.2.4.), и т. д.

Имея в виду такого рода трудности, исследователи обычно изучают путем массового обследования язык (или языковую подсистему) не во всем объеме, а лишь в некоторых аспектах. Это позволяет в реальные сроки получить достаточно надежный и, главное, представительный материал о функционировании определенной части языкового механизма.

К проведению массовых обследований предъявляется набор требований, касающихся определения лингвистического и социального объектов такого обследования, выбора генеральной совокупности, относительно которой оно осуществляется, формулирования рабочих гипотез, определения объема выборки из генеральной совокупности (а также таких свойств этой выборки, как репрезентативность и достаточность), формы представления полученных данных и критериев оценки их достоверности.

Ниже мы рассмотрим процедуру и технику проведения массовых социолингвистических обследований на одном конкретном примере — массовом обследовании носителей современного русского литературного языка, которое было осуществлено группой московских языковедов под руководством М. В. Панова в 60–70-х годах XX в.

В качестве лингвистического объекта обследования была избрана совокупность вариативных единиц, допускаемых современной русской литературной нормой в области фонетики, акцентологии, морфологии и словообразования, — типа [шы]гѳ / [ша]гѳ, *було*[шн]ая / *було*[чн]ая, *до*[ш'] / *до*[шт'], *е*[ж']у / *е*[ж]у; *в река*х / *в река*х, *ведомостѳ* / *ведомостѳ*, *крейсеры* / *крейсера*, *дирѳкторы* / *дирѳктора*; *каплет* / *капает*, *сохнул* / *сох*, (*кусок*) *сахару* / *сахара*, *в меду* / *в мѳде*; *заморозка* / *замораживание*, *горьковец* / *горьковчанин*, (*Она*) *билетѳр* / *билетѳрша*, *парикмахер* / *парикмахерша* и т. п.¹⁴

Социальным объектом обследования явились носители современного русского языка, удовлетворяющие следующим трем критериям:

- 1) русский язык является для них родным;
- 2) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке;
- 3) они являются жителями городов.

Организаторы данного массового обследования сочли, что совокупность людей, обладающих одновременно всеми тремя признаками, близка к понятию “носители русского литературного языка” (в отличие от носителей просторечия или носителей диалектов); обоснование этого приближения мы опускаем и отсылаем читателя к книге [Русский... 1974: 17 и след.], материалы которой используются в данном разделе.

Указанная совокупность носителей русского литературного языка неоднородна в социальном, возрастном, территориальном и некоторых других отношениях: в ней есть представители интеллигенции и рабочих, старики и молодежь, жители Севера и Подмосковья, Костромы и Калуги

¹⁴ Достаточно представительный список подобных вариантов можно извлечь из уже неоднократно упоминавшегося “Вопросника по произношению” и других сходных [Вопросник... 1963а; Вопросник... 1963б].

и т. д. Все эти и другие неязыковые различия между говорящими для удобства будем называть социальными признаками, при этом отдавая себе отчет в том, что такое понимание социального весьма широко, включая культурные, территориальные и биологические (возраст) характеристики членов общества.

Какие социальные признаки существенны в языковом отношении? Иначе: какие социальные характеристики говорящего накладывают отпечаток на его речь и тем самым отличают ее от речи других лиц, которые являются носителями иных социальных признаков?

Ответ на этот вопрос можно получить, лишь проведя социолингвистическое исследование данной совокупности говорящих. Однако, приступая к нему, следует сделать предположение относительно того, какие социальные признаки могут влиять на количественное соотношение языковых вариантов. Необходимо дать перечень этих (гипотетических) признаков.

Роль теоретически обоснованной гипотезы важна в каждом экспериментальном исследовании: цель последнего состоит лишь в проверке того, что заранее представляется ученому интуитивно верным и не противоречит теоретическим установкам (или, напротив, противоречит им и потому нуждается в экспериментальных доказательствах).

В социологических, и в частности социально-лингвистических, работах значение гипотезы особенно велико, так как социальные объекты принадлежат к наиболее сложным, вследствие чего комплекс причин, обуславливающих то или иное явление, может не во всех своих частях поддаваться полному учету.

“Если рассматривать процесс социологического исследования в целом, — пишет один из ведущих отечественных социологов В. А. Ядов, — то главным методологическим инструментом, организующим и подчиняющим его внутренней логике, является гипотеза. Социологическая гипотеза определяется как логически обоснованное предположение о характере и сущности связей между изучаемыми социальными явлениями и факторами, их детерминирующими” [Ядов 1967: 15].

Иногда, особенно в комплексных социологических исследованиях, выдвигается несколько самостоятельных или взаимно дополняющих друг друга гипотез, которые в ре-

зультате эксперимента либо подтверждаются, либо отвергаются. Но нередко экспериментальная работа бывает направлена на проверку какой-либо одной общей гипотезы, которая может подразделяться на ряд частных. В том массовом социолингвистическом обследовании, материалы которого мы используем в качестве иллюстративных примеров, дело обстоит именно таким образом. Общей была гипотеза, которая может быть сформулирована так: использование языковых вариантов зависит от социальных характеристик носителей языка.

Эта общая гипотеза распадается на ряд частных, из которых одни предполагают наличие зависимости между социальным признаком и распределением языковых вариантов, а другие определяют характер этой зависимости. Более конкретно: выбор того или иного языкового варианта зависит от следующих социальных признаков говорящих: возраста, уровня образования, социального положения, места, где прошло детство, места наиболее длительного жительства и др.

Впервые этот перечень “лингвистически значимых” (по предположению) социальных признаков был предложен М. В. Пановым. Экспериментальный материал полностью подтвердил сформулированную в качестве гипотезы зависимость и, кроме того, позволил судить о разной степени, в которой те или иные социальные признаки влияют на выбор языковых вариантов.

Перечень методов, применяемых в синхронической социолингвистике, их набор, разумеется, не исчерпывается теми, о которых речь шла в данном разделе. В каждом конкретном случае, приступая к решению той или иной задачи, связанной с массовыми обследованиями носителей языка, социолингвист должен определить, какими из имеющихся методик сбора, систематизации и интерпретации материала он воспользуется. При этом решающее значение имеет правильная постановка задачи и аккуратность в проведении экспериментов.

5.6. Соотношение направлений и методов социолингвистических исследований

Рассмотренные выше методы сбора информации находят неодинаковое применение в различных направлениях социолингвистических исследований, о которых мы говорили в главе 4. Метод включенного наблюдения незаменим при решении многих задач микросоциолингвистики и, напротив, малоэффективен для достижения достоверных макросоциолингвистических результатов — здесь нельзя обойтись без массовых опросов. Наблюдение и анкетирование тяготеют к синхронической социолингвистике, анализ письменных источников — к диахронической. Однако в каком бы направлении ни работал социолингвист, он стремится по возможности совмещать различные методические приемы для достижения оптимального результата.

Исследователи, занимающиеся диахроническими проблемами, находятся в сложном положении: в идеале они могли бы опираться на комплекс разновременных социолингвистических работ, но диахронические исследования в социолингвистике начались относительно недавно и не всегда сопоставимы между собой. В связи с этим в социолингвистике продолжают преобладать синхронические исследования, т. е. изучение связей и зависимостей между актуальными, происходящими на наших глазах языковыми и социальными процессами. Поскольку именно на синхронном материале в основном развиваются и уточняются методические приемы исследования, главным образом о них и шла речь в предыдущих разделах этой главы.

Остановимся теперь на методических особенностях диахронической социолингвистики. К собственно диахроническим методам относятся сравнительные временные исследования. Социологи подразделяют их на панельные и трендовые.

При панельных (иначе: лонгитюдных) исследованиях с определенным временным интервалом изучаются одни и те же объекты; они дают наиболее точные данные о динамике процессов. Этот метод более приемлем для микросоциолингвистических работ, поскольку при временном разрыве гораздо проще работать с ограниченной генеральной совокупностью, чем повторно возвращаться к исполь-

зовавшейся ранее выборке. Но в любом случае потенциальные испытуемые могут сменить местожительство, отказаться от повторных обследований или, при выборочном обследовании, утратить репрезентативность, поскольку на них воздействует само исследование.

Несколько большее применение в социолингвистике находят трендовые исследования, когда в двух разнесенных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды. Разделенные этапы панельных и трендовых исследований особой спецификой не имеют.

Итак, методический арсенал диахронической социолингвистики ограничен по сравнению с таковым социолингвистики синхронической. Диахронисту не удастся реально наблюдать за речевым поведением людей. Мы не можем слышать, что и как говорили наши предки, жившие в прошлом веке или еще раньше, а, скажем, метод устного интервью нельзя применить даже к информантам и более близкого к нынешнему дню времени¹⁵.

Правда, с изобретением магнитофона, с развитием звукозаписывающей техники вообще появилась возможность разновременных наблюдений за речью одних и тех же носителей языка. Трудность таких наблюдений очевидна. Поскольку язык изменяется медленно, заметить те или иные перемены в нем можно лишь на достаточно значительных временных отрезках — не менее чем в два-три десятилетия (а для некоторых языковых изменений — например, в грамматике — и на гораздо больших). В условиях высокой социальной мобильности, которая характерна в XX в. для населения большинства стран, стабильное положение какой-либо группы говорящих на той или иной территории и в той или иной социальной иерархии на протяжении десятилетий — явление чрезвычайно редкое. И всё же (по крайней мере теоретически) диахроническая социолингвистика в состоянии получить путем наблюдения дан-

¹⁵ Конечно, для определенных диахронических задач, не связанных с анализом вариативности речевых произведений, можно получить данные из современных опросов: опора на мнение информантов позволила в ходе подготовки упоминавшегося «Словаря сленга хиппи» условно соотносить время появления каждой из словарных единиц с пятилетними периодами (1970–1974, 1975–1979, 1980–1984, 1985–1989) [Рожанский 1992: 6]. Но не при каждой задаче можно рассчитывать на получение аналогичной информации.

ные, характеризующие речь одних и тех же групп говорящих на разных этапах существования этих групп в структуре данного общества.

Более доступной непосредственному наблюдению является речь разных поколений людей, образующих то или иное языковое сообщество. Сравнение речи стариков и молодежи дает некоторое представление о движении системы языка во времени.

Метод сравнения данных, характеризующих использование одних и тех же языковых единиц разными поколениями того или иного языкового сообщества, издавна применяется в диалектологии. И опытом диалектологов не преминули воспользоваться социолингвисты. Например, в упомянутой выше работе У. Лабова централизация дифтонга /aw/ служит иллюстрацией при описании механизма языковых изменений. Наиболее пожилые его информанты 1961 г. относились к той же социальной группе, что и те, кто обследовался в ходе подготовки лингвистического атласа Новой Англии в 1933 г., но тогда средний показатель централизации дифтонга /aw/ составил 0,06, а в 1961 г. у самого "архаичного" 92-летнего информанта он был 0,1 [Лабов 1975а: 209]. В результате Лабов выявил не только межпоколенный фонетический сдвиг, но дал убедительное подтверждение фонетического изменения у отдельных индивидов за 30 лет. Это один из немногих примеров трендового исследования в социолингвистике. В Нью-Йорке ему пришлось довольствоваться синхронным межпоколенным исследованием, поскольку там, как он указывает, "информанты Атласа не подбирались достаточно систематически, чтобы эти данные можно было сопоставлять с нашими данными 1963 г." [Там же: 213].

В работах, посвященных вытеснению старомосковской произносительной нормы новыми фонетическими образцами, также сопоставляются данные, относящиеся к старшему поколению москвичей и к представителям более молодых поколений, на основании чего делаются выводы об изменениях в речевой реализации ряда фонем и фонемных сочетаний.

В обоих приведенных примерах речь идет о сравнительно небольших периодах времени — нескольких десятилетиях. Если же изучаются социально обусловленные изменения в языке на более протяженных по времени отрезках

его эволюции, основным доступным методом становится анализ письменных источников. Этот испытанный путь, которым лингвистика следует от самых своих истоков до настоящего времени, привел к значительным результатам в области исторической грамматики и лексикологии. Но можно ли по письменным источникам установить, как говорили наши предки, как они произносили те или иные звуки и звукосочетания? Ведь давно и хорошо известно, что в таких языках, как русский, английский, французский, письмо далеко не всегда точно передает произносительную форму слова. Поэтому если и анализировать тексты прошлого с целью выяснить особенности отраженной в них устной речи, делать это надо с большой осторожностью, соблюдая определенные правила такого анализа.

Это и сделал в книге "История русского литературного произношения XVIII—XX вв." М. В. Панов (см. [Панов 1990]). Привлекаемые им для исследования тексты — стихи (а в стихах рифма и ритм — важные показатели произношения), драматические произведения, свидетельства современников о той или иной манере говорить, деловые и личные письма, бытовые записки и т. п. — изучены им на широком культурно-историческом и социальном фоне. Это позволило автору не только в деталях восстановить конкретную историю русского литературного произношения, вскрыв при этом и внутренние, собственно языковые, и внешние, социальные по своей природе причины эволюции фонетической системы, но и дать галерею *фонетических портретов*¹⁶ наиболее ярких по языковым их качествам деятелей культуры, политиков, писателей, артистов, ученых. В этой галерее портреты деятелей XVIII в. — например, Петра I или Ломоносова — так же выпуклы и осязаемы (по совокупности составляющих их фонетических черт), как и портреты наших современников, например А. А. Вознесенского или А. А. Реформатского. М. В. Панов доказал: и письменные источники могут быть надежным свидетельством изменений в устной, звучащей речи.

¹⁶ Идея фонетического портрета носителя языка получила дальнейшее развитие в ряде лингвистических и социолингвистических работ. Понятие портрета стало рассматриваться более широко: он основывается не только на фонетических чертах человека, но и на других особенностях его речи — словоупотреблении, синтаксисе, особенностях речевого поведения и т. п. (см. об этом: [Ерофеева 1990; Земская 1990; Крысин 1994; Николаева 1991] и др.).

Изучая тексты прошлого с учетом тех социальных условий, в которых эти тексты создавались, исследователи пытаются восстановить картину ушедшей языковой жизни общества, реконструировать ее.

Метод реконструкции давно известен в сравнительно-историческом языкознании, в исследованиях по этимологии. В диахронической социолингвистике объектом его применения чаще всего становится функциональная парадигма языка, т. е. совокупность разных форм его существования на том или ином этапе эволюции. Изучая функциональную парадигму конкретного языка, исследователь принимает во внимание "1) информацию об исторической и культурно-исторической ситуации отдельного периода (внеязыковые данные); 2) суждения современников о языке своей эпохи (косвенные лингвистические данные); 3) совокупность имеющихся для данного периода письменных памятников, включая сведения о создании, назначении и реальном использовании разных типов текстов (прямые лингвистические данные в сочетании с косвенными)" [Семенюк 1985: 158].

Одновременно высказываются резонные соображения об ограниченных возможностях метода реконструкции: "Реконструкция функциональной парадигмы языка всегда является центральным звеном в характеристике языковой ситуации, которая в целом воссоздается в широком культурно-историческом контексте. При этом реконструировать, видимо, возможно лишь основные типы функциональных парадигм, представленных в разных исторических и социальных ситуациях: отдельные детали в соотношении разных функциональных страт и их развернутые структурные характеристики чаще всего остаются недоступными исследователю" [Там же: 168].

По отношению к такому состоянию языка и общества, которое не очень значительно отдалено от современного их состояния, эффективен метод сравнительного анализа разных синхронных срезов. Такой анализ позволяет выявить новшества, появившиеся в языке в ходе его развития, и тенденции языковых изменений, причинами которых могут быть как внутренние, так и внешние, социальные стимулы языковой эволюции. Условием наиболее успешного применения метода сопоставления синхронных срезов является наличие текстов на данном языке, относящихся к каждому из срезов, и соответствующих лингвисти-

ческих описаний как самих текстов, так и языковых ситуаций, в которых они создавались.

Примером последовательного описания разных синхронных срезов, характеризующих состояние японского языка на разных этапах его эволюции в XX столетии, может служить проведенное японскими лингвистами массовое обследование говорящих по-японски в 1950 и 1971–1972 гг. При сопоставлении двух синхронных срезов в японских диалектах были обнаружены изменения в их фонологических и отчасти лексических системах (при относительной стабильности морфологии и акцентуации), а также сделан вывод об эволюции чистого диалекта к полудиалекту, в котором совмещены черты диалектной морфологии и акцентуации с литературной фонетикой и диалектно-литературной лексикой [Алпатов 1985: 87–88].

Итак, в методике и методологии исследования языка с позиций диахронической социолингвистики многое заимствуется из других направлений языкознания. Это, во-первых, означает органическую связь диахронической социолингвистики с прочими языковедческими дисциплинами, в первую очередь историческими, а во-вторых, свидетельствует о молодости этого направления науки: собственные методы и приемы исследования еще предстоит разработать.